

Александр Скрипель

18+

Старик и талисман

Военно-исторический приключенческий роман

Содержит информацию о наркотических или психотропных веществах, употреблении которых опасно для здоровья. Их незаконный оборот влечет уголовную ответственность.

Александр Скрипель
Старик и талисман

«Де'Либри»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Скрипель А. Ф.

Старик и талисман / А. Ф. Скрипель — «Де'Либри», 2025

ISBN 978-5-4491-2895-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В центре книги рассказ-исповедь одного из старейшин кишлака. Он, при встрече с «шурави» за ужином у костра, испытывает острое желание рассказать о тех суровых испытаниях в своей жизни, которые ему пришлось пройти. В книге есть и сражения, и любовь, размышления о добре, зле, о чести и справедливости. Сложная судьба человека в ходе борьбы за независимость своей страны, его душевная боль, связанная с его первой, а может и единственной в жизни настоящей любовью, проходят красной нитью через всё его повествование.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4491-2895-9

© Скрипель А. Ф., 2025
© Де'Либри, 2025

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвёртая	29
Часть вторая	38
Глава пятая	38
Глава шестая	43
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Скрипель

Старик и талисман

© Скрипель А., текст, 2025

Часть первая

Среди гор, крутых долин и равнин Гиндукуша

Глава первая

Испытание непогодой и огнём

Был уже на исходе февраль. По горным долинам и равнинам, окружённым массивными хребтами Гиндукуша на северо-востоке Афганистана, словно горная река, извивалась колонна войск. На затянутом тучами небе не было ни единого просвета. С самого начала февральско-мартовской армейской боевой операции в провинции Каписа погода не благоприятствовала. Было холодно, тускло и сыро.

Подразделения 180-го мотострелкового полка под командованием подполковника Высоцкого вошли в провинцию в ночь на 25 февраля. Смесь высоких вершин, горных рек, равнин с небольшими ущельями тянулась по ходу движения полка.

Издалека на равнинах и на горных склонах мелькали многочисленные глинобитные постройки – старинные кишлаки. Рядом с ними расстилались бурые, вперемешку со снежным покровом, квадраты полей. Это были сердца густонаселённой местности, помнящие ещё походы Александра Македонского и Чингисхана.

Машины по ухабистой каменистой дороге кидало из стороны в сторону. Из-под гусениц бронемашин и колёс автомобилей летела грязь с водой. Ехали медленно. Сбавляя скорость перед препятствиями, колонна трещала, рычала, хлопала, окутываясь густым удушливым дымом.

В ходе марша бойцы в основном перебирались внутрь, однако многие предпочитали по-прежнему сидеть на броне, кутаясь в бушлаты.

Лязгая гусеницами и стреляя выхлопными трубами, колонна, проехав крутой поворот, нырнула в небольшое ущелье. Местность была голая, вдоль дороги не виделось даже прошлогодней высохшей травы. Вероятно, она здесь не росла, повсюду торчали камни.

Следуя в голове колонны батальона, вдруг перед моими глазами, словно во сне, на дороге всплыли несколько сожжённых автомобилей. От них валил едкий вонючий дым. Немного дальше на обочине стоял с накренившимся вниз орудием подорванный на mine танк.

Объезжая машины, сразу же бросились в глаза несколько обугленных трупов. Они лежали в неестественных до невероятности позах. Казалось, что смерть как будто садистски издевалась над их телами. У одной из машин в полуобгоревшей униформе, привалившись к колесу, навечно застыл ещё один боец. Уронив голову на грудь, он мёртвой хваткой держал в руках автомат Калашникова.

На башне из люка наводчика орудия танка с распростёртыми руками вниз, в чёрном, обгоревшем комбинезоне и шлемофоне, свесился танкист. Из люка командира танка был только виден шлемофон и торчала рука. Растопыренные пальцы словно впились в броню танка. Гусеница и днище под механиком-водителем были разорваны – видно, главный удар достался ему...

– Ну, что там? – подняв из люка голову, спросил сидящий по-походному механик-водитель.

– Подрыв на mine, а потом, видно, из гранатомётов добавили, – с горечью в голосе произнёс я.

– Только недавно, видно. Не успели убрать., – услышал я рядом дрогнувший голос наводчика-оператора БМП.

Взглянув на бойца, я обратил внимание, как по его скуле, словно челнок, сновал желвак. Ощущалась какая-то роковая грань жизни и смерти.

– Жутко? – спросил я, оглядываясь назад.

– Конечно, товарищ старший лейтенант. Ужас... Меня даже озноб пробрал.

Лёгкий озноб прошёлся и по мне, на секунду сжалось сердце. Перед глазами снова всплыли погибшие. Все они, только недавно достигнутые смертью, замерли и оцепенели, как бы остановив движение времени. «До чего же может быть коротка жизнь человека, особенно на войне, где он постоянно подвергается смертельной опасности, – подумал я. – Вспыхнув однажды, как маленький огонёчек, он, разгоревшись, жил, давая тепло родным, близким и окружающим. Но вот теперь, так с ходу обратился в прах. А вновь ведь, уйдя в небытие, уже не загорится, не восстанет из пепла...»

Где-то неподалёку впереди гремел бой. Хлопали орудия. Их выстрелы звучали резко и сухо. Вперемешку с автоматными очередями слышался глухой треск крупнокалиберных пулемётов. Это в двух километрах от нас уже действовали разведывательный батальон дивизии и передовой отряд соседнего полка.

Сотрясая долину рёвом двигателей и лязгом гусениц, наш полк обогнул небольшой горный массив и с ходу вступил в боевые действия в районах уездов Ниджраб и Тагаб. Там была сосредоточена наиболее крупная группировка мятежников. Далее простиралась очень пересечённая местность с трудно доступными и недоступными районами в высоких горах.

Душманские бандформирования, блокированные подразделениями советских и афганских войск, упорно сопротивлялись. Попытка отступить и уйти повыше в глубь гор оказалась безуспешной из-за сплошного ледникового покрытия. Глубокий снежный покров не давал воз-

возможности для маневра и нашей бронетехнике, поэтому она следовала в долине вдоль основных дорог.

Передвигаться и действовать личному составу приходилось в пешем порядке. Причем боевые действия велись в туман, дождь и снегопад. Практически все дни облака закрывали долину и подножья гор. Приходилось целыми днями месить снег и грязь. Исполинские ледники высоких гор напоминали о своём существовании. Вдоль ущелья дул холодный ветер.

В этих условиях, преследуя противника, мы выкуривали его из нор, пещер и подвалов близлежащих в направлении действий нашего полка кишлаков. Поддержка нас ударами авиации и огнём артиллерии была ограничена.

Одной из особенностей этого района боевых действий были возведённые вокруг кишлаков и полей каменные заборы – дувалы. Они в некоторых местах достигали двух с половиной метров, представляя собой крепостную стену, что затрудняло продвижение вперёд. Противник там устраивал засады и минирование местности.

Изнурительные переходы, боевые действия, бессонные ночи и холод выматывали людей. Вглядываясь в темно-серое хмурое небо и вслушиваясь в дробный перестук дождя, сбивая с себя мокрый снег, все ворчали, дружно ругая погоду.

В зоне действий подразделений полка, особенно в местах, высоко поднятых над уровнем моря, ещё везде лежал рыхлый снег.

Только в некоторых местах на холмах и предгорьях его уже не было. К первому весеннему дню весна здесь ещё не вступила в свои права.

А ведь отсюда недалеко раскинулась плодородная местность уезда Суруби, через которую мы выдвигались на рейдовую операцию. Там, в том оазисе, издревле привлекающем взгляды проезжающих, в это время была пора начала тёплой и жаркой весны. Всё давно покрылось зеленью, и начинали цвести сады.

В этот первый мартовский день с раннего утра третий мотострелковый батальон, усиленный огнёмётными расчетами и сапёрами, вел наступательные действия по предгорьям с неглубокими равнинами. Вначале над нами в воздухе кружились хлопья снега, которые вскоре сменились морозящим дождём. Дождь сырой изморосью ложился на лица и одежду, проникая за воротник, в рукава. Бойцы подняли воротники бушлатов и набросили на плечи плащ-палатки,

но это помогало мало, так как мелкие морозящие капли липли к одежде. Вскоре обмундирование пропиталось водой...

Передвигались, вначале не встречая сопротивления противника, и часа через полтора вышли к большому кишлаку, километрах в тридцати от уездного центра Ниджаб. Это уже был последний этап рейдовой операции.

Впереди, по ходу движения бронегруппы у перекрёстка дорог, на минах подорвались боевая машина пехоты и МТЛБ¹ нашего полка. Слышались выстрелы гранатомётов, треск пулёмётных и автоматных очередей. В сплошной глухой шум сразу же сплылись шум двигателей, лязг металла и человеческие голоса.

Под порывистым ветром и продолжающимся морозящим дождём, размывающим силуэты домов, вступили в бой с мятежниками.

Сумрачные туннели улиц еле угадывались. Несмотря на это, под прикрытием артиллерии и бронетехники начали прочёсывание кишлака. Используя преимущество, мы окружили мятежников, заставив их сдаться. Захваченных пленных передали сотрудникам особого отдела 108-й мотострелковой дивизии, действовавшим во взаимодействии с госбезопасностью Афганистана ХАД.

К полудню ветер утих, и за кишлаком открылся вид на небольшую долину. Там, на небольшой возвышенности, подождав бронетехнику, основные силы батальона с приданными средствами расположились на кратковременный отдых.

Вскоре появились миномётная батарея с тыловыми подразделениями батальона, следовавшими по горной дороге за населённым пунктом.

С их подходом комбат майор Усманов подвёл краткие итоги. У нас, к счастью, в этот день обошлось без потерь, за исключением троих контуженных после подрыва боевой машины пехоты и двух легкораненых бойцов в ходе прочёсывания кишлака. Их, с подходом бронетехники, сразу же отправили в полевой медпункт медсанбата дивизии.

Обойдя подразделения, я направился к месту, где среди больших валунов расположилось командование батальона.

Присев на камень рядом с командиром батальона майором Усмановым и помощником начальника штаба капитаном Симоненко, который в этом рейде исполнял обязанности начальника штаба, моему взору открылся вид бескрайних хребтов. Их величественные вершины сливались с затянутым тучами молочно-серым небом.

Немного погодя к нам неторопливым шагом подошёл авиационный наводчик, прикомандированный к батальону с начала рейдовой операции. Выбрав напротив нас камень поудобнее, он достал из вещмешка плащ-палатку, сложил раза в четыре и расстелил её на камень. Усевшись на удобное сиденье и положив на колени автомат, он кивнул головой в сторону группы бойцов:

– Вот как развлекаются ребята!

Окинув быстрым взглядом всю панораму на горизонте, я переключил внимание на бойцов, расположившихся напротив, метрах в двадцати от нас, у боевой машины пехоты. Они расселись рядом с ней и, раскладывая на плащ-палатке консервы, что-то весело обсуждали. У всех, видимо, было отличное настроение, поэтому ещё издали слышался дружный хохот. Все смеялись громко и долго...

Заводилой был невысокого роста подтянутый солдат. Я сразу узнал в нём ефрейтора Усачева. Это был энергичный и отчаянный в боевой обстановке боец. Он, с невозмутимым выражением лица, пока не садился, а, стоя перед своими товарищами, важно разыгрывал какую-то комическую сценку.

---

¹ МТЛБ – многоцелевой тягач лёгкого бронетанкового типа. Предназначен для перевозки личного состава, вооружения и грузов, а также выполнения других задач.

Дошло уже до того, что каждая его фраза и едва ли не каждое слово стали вызывать взрыв весёлого хохота. К ним уже стали прислушиваться и бойцы, которые расположились не только у соседних бронемашин, но и вдалеке. Они выставляли антеннами уши, стараясь уловить не долетевшие до них слова.

– Слишком много шума наделали. Прекратить надо этот балаган! – неодобрительно качнул головой капитан Симоненко, кидая косо́й взгляд то на меня, то на комбата.

Майор Усманов, недоумевая, повернулся всем корпусом к нему, вскинул на него свои усталые с тяжёлыми веками глаза и очень серьёзно возразил:

– Как это прекратить? Психологическая разрядка!

Скосив взгляд в сторону бойцов, махнув рукой, он тут заулыбался и добавил:

– Она очень важна в наших условиях. Пусть повеселятся.

– Это точно! В боевой обстановке и на привале, в любую свободную минуту, нужно быть занятым чем-то. Иначе, товарищи офицеры, разум может взмыть и улететь в неизвестность. Вот взводный комсомольский вожак и заводит их, – добавил я, показывая кивком головы на весёлого бойца.

– По сути, всё верно, – подчеркнул комбат, вновь скользнув взглядом в сторону бойцов. – На войне человек не думает о том, что будет через полгода, год, даже через неделю. В напряжённой боевой обстановке офицеры и солдаты живут одним часом, может, иногда следующим. Всё остальное для них, пока не настанет передышка, не вернутся на место постоянной дислокации в наших условиях, неважно. Только вот офицеру, командиру надо всегда знать, чем занимаются его подчинённые, как понимают отданный им приказ или распоряжение. Все помыслы, всё поведение офицера, прапорщика должны быть подчинены солдатам и сержантам, тогда и в бою они пойдут за ними.

– Хоть я и не общевойсковой офицер, но поддерживаю комбата. Офицеру любого ранга нельзя давать волю своим эмоциям, терять контроль над собой, тогда к нему будет доверие и уважение подчинённых, – вмешался в разговор авиационный наводчик майор Максимов.

– А кстати, где же командир взвода этих бойцов? – добавил он, с интересом осматриваясь по сторонам.

– Да вот он! – показывая рукой в сторону быстро шагающего к своему взводу молодого подтянутого офицера сказал капитан Симоненко. – Видно, у ротного был.

– Хороший командир! Взвод держит в своих руках, – кивнул в сторону офицера майор Усманов, наблюдая за реакцией бойцов его взвода. Он на некоторое умолк, глядя на приближающегося к своему взводу офицера, задумался и продолжил:

– Да и заботится о них, вникает в нужды солдат и в обиду никого не даст. Умеет отстаивать свою точку зрения.

Тем временем бойцы, завидев своего командира, в ту же минуту прекратили разговоры и, поправив обмундирование, вскочили с места. Подошедший командир взвода махнул рукой, чтобы селились, и посмотрел на разложенные банки консервов.

– Треплетесь, веселитесь! Всё это хорошо, а вот разогреть-то консервы не догадались? – послышался звонкий голос лейтенанта Назарова.

– Да мы вот... – пытаюсь что-то сказать, приподнялся командир отделения.

– Садись, Сабит! – прервал его взводный и жестом остановил сержанта, уже открывшего рот, чтобы что-то сказать... – Подождите, сейчас подогреете их на капоте.

Сделав паузу, взгляд взводного на пару секунд промелькнул по лицам бойцов, кого-то разыскивая.

– А где механик-водитель с наводчиком-оператором?

Бойцы кивнули в сторону машины.

Быстро развернувшись к боевой машине, лейтенант вскочил на броню и постучал ногой по люкам механика-водителя и наводчика-оператора:

– Открывайте! Не успели стать на привал, а уже дрыхните? Подъём! – громким голосом произнёс лейтенант, присаживаясь на башню.

Через минуту открылся люк в корме башни, и оттуда выглянул наводчик-оператор. Только секунд через пятнадцать-двадцать из переднего люка высунулась голова в шлемофоне и грязное, со следами мазута, лицо механика-водителя. Лейтенант Назаров тут же стал отдавать им какие-то указания.

Те, прислонившись к крышкам люков, слушали своего командира.

Кинув взгляд на грязную рожу механика-водителя, сидящие в кругу бойцы снова засмеялись.

– Ребята, сейчас вам по этому поводу расскажу интересный, но старый заплесневелый анекдот, – предложил ефрейтор Усачев.

Бойцы приготовились слушать, но на этот раз их комсомольскому лидеру не удалось ещё больше развеселить своих друзей...

В тот же миг на наших глазах со стороны гор раздалось несколько выстрелов. Одна из пуль чиркнула вскользь по броне у открытого люка механика-водителя, а вторая пуля душманского снайпера угодила в лейтенанта.

Взводный откинулся назад, упав на броню, тело обмякло, и он медленно начал сползать с боевой машины. Вскочив с места, несколько бойцов подхватили его под мышки и осторожно уложили на плащ-палатку. Наводчик-оператор, не дожидаясь команды, юркнул внутрь, развернул орудие с пулемётом и открыл огонь в сторону, откуда прозвучали выстрелы снайпера.

– Атанасов! Сюда! – прокричал комбат батальонному фельдшеру, который недалеко от нас проверял у бойцов наличие индивидуальных аптечек с бинтами.

Я в это время, сорвавшись с места, подбежал к лежащему лейтенанту, а через минуту появился батальонный фельдшер прапорщик Атанасов. Он присел на колено и стал осматривать командира взвода. Прощупав пульс, фельдшер тихо произнес:

– Жив! – и, смотря на меня, громко добавил: – Немедленно нужен вертолёт! Его срочно оперировать надо, иначе не выживет. Ранение в живот и очень, видно, тяжёлое.

Наблюдая за нами, авиационный наводчик, не дожидаясь команды, тут же стал связываться по рации. В это же время прапорщик Атанасов разрезал одежду, ввёл анестезирующий раствор и стал бинтовать рану, сдерживая кровь. Я находился рядом с фельдшером, когда ухо уловило рокот мотора вертолёта. Гул винтокрылой машины нарастал с быстротой снежной лавины.

Вертолёт «Ми-8», появился буквально минут через десять. Он, по всей видимости, находился недалеко в воздухе.

Бойцы, затаив дыхание следили за манёврами лётчика. Вынырнув из-за низких туч, он рванулся в нашу сторону. Сделав небольшой круг, выбирая место для посадки, вертолёт, вздымая тучи серебристой снежной пыли вместе с грязью, приземлился в тридцати метрах от нас на ровной крошечной площадке.

Осторожно, уложив лейтенанта на носилки, солдаты по команде фельдшера понесли его к вертолёту. Дверь в десантный салон винтокрылой машины уже была открыта. По указанию стоящего в проёме двери лётчика тяжело раненного командира взвода тотчас втащили в грохочущее и дребезжащее чрево вертолёта.

– Товарищ прапорщик! А он выживет? – спросил один из бойцов взвода лейтенанта Назарова, когда вертолёт взмыл в воздух.

– Что за вопрос... Я почём знаю. Тут только Всевышнему известно, – ответил хмуро фельдшер, направляясь к командиру батальона.

Подойдя к майору Усманову, прапорщик Атанасов подправил на себе амуницию и медленно стал разяснять:

– Товарищ майор! По всей видимости, есть надежда, что всё будет нормально. Он уже минут через тридцать-сорок после ранения будет на операционном столе, а это значит, что у врачей много шансов для его спасения.

– Ну что ж, теперь всем ясно, что бдительности нельзя терять ни при каких обстоятельствах. Будем надеяться, что вернется в строй, – сурово сказал майор Усманов, наблюдая за взмывшим вверх вертолётom, пока тот не скрылся из виду. От скрытого переживания на его лбу выступили капли пота. Он досадливо поморщился и смахнул их ладонью.

– Да, да, – это так! – вздохнул Симоненко. – Но вот, если бы знать, где упасть...

Комбат, взглянув на часы, сразу же засуетился. Обернувшись к Симоненко, он распорядился:

– Сходи на кухню и дай распоряжение прапорщику Педченко пораньше сегодня обед приготовить, а то намечается ещё одна боевая задача.

– Был уже там, как только прибыл хозяйственный взвод. Его командир своё дело знает. Закладку продуктов уже произвёл, – ответил Симоненко.

Вскоре метрах в ста от нас, на месте размещения хозяйственного взвода, прозвучал звонкий возглас:

– Обед готов!

Комбат поднялся с места, кивнул мне с капитаном Симоненко и авиационным наводчиком, чтобы мы следовали за ним.

Мы направились к месту, где уже была развернута походная полевая кухня ПАК-200, у которой хлопотал командир хозяйственного взвода батальона прапорщик Педченко. Пряный аромат распаренной каши распространялся по долине. На подножке походной кухни с железным черпаком в руках стоял повар, приготовившись накладывать кашу. Он весь был в облаках пара, с покрасневшимся лицом, среди соблазнительных запахов.

Расторопный, коренастый командир хозяйственного взвода подбежал к нам и улыбаясь доложил:

– А я вас уже заждался. Пора обедать! Сейчас стол накроем.

– А как с личным составом, Леонид Трофимович? Горячую пищу на всех бойцов батальона приготовили? – задал я вопрос командиру хозяйственного взвода.

– Так точно! Не беспокойтесь, товарищ старший лейтенант... Горячим обедом всех накормлю. Хорошо знаю, что надоели ребятам сухие пайки.

Не успели мы присесть, как уже нам принесли полные миски с аппетитно пахнувшей гречневой кашей. Вместе с кашей на раскладном походном столе появилась тарелка салом с лакомыми мясными прожилками, а за ней и квашеная капуста.

– О-о-о! Даже сальца где-то раздобыл ваш тыловик, – воскликнул авиационный наводчик, протягивая руку за салом, – давно не ел его...

Медленно смакуя горячую кашу, комбат нахваливал прапорщика Педченко:

– Молодец Трофимович! Умеет и может хорошо готовить. Всегда у него каша вкусная и ароматная получается.

Метрах в пятнадцати от хозяйственного взвода расположились машины минометной батареи старшего лейтенанта Кокошко и боевые машины пехоты гранатометного взвода батальона, старшего лейтенанта Годыны.

Их бойцы первыми выстроились в очередь и, раздувая ноздри, принюхивались к запаху. В это же время к кухне стали подходить солдаты с термосами от других подразделений батальона.

– Ну всё? – нетерпеливо спросил у своего заместителя прапорщик Педченко. – Готовы?

– Так точно! – ответил сержант.

– Тогда выгребайте из топок жар и начинайте раздачу, – распорядился прапорщик Педченко своим подчинённым.

Как только повар приступил к раздаче, сразу же послышались одобрительные голоса в адрес хозяйственников.

– Ох и хороша каша! Чувствуешь, Миша, какой пикантный аромат? – похлопал по плечу своего напарника первый в очереди солдат, звучно глотая слюну.

– Наши повара, Серёга, постарались... – поддержал боевого товарища Михаил, хваля поваров.

Повар, осуществлявший раздачу, не обращал на них внимания, накладывал в термос кашу и бодро распоряжался:

– А ну, давай подходи, быстрее. Веселей, ребята! Нечего рассуждать, всем хватит!

Солдаты, закрыв крышки и застегнув брезентовые чехлы, сразу удалялись.

Рядом с походной кухней горел небольшой костер, на котором боец хозяйственного взвода, сидя на корточках, помешивал на сковородке поджарку. Лёгкий ветерок бросал в его сторону дым, и тот, прикрываясь ладонью, то и дело сухо кашлял.

– Тьфу, чёрт! – выругался прапорщик Педченко. – С дыма то уйди, башка твоя несмышлёная! Думай же, ты ведь уже не первый день в хозяйственном взводе.

– Трофимыч, а Трофимыч! – окликнул его своим слегка простуженным голосом авиационный наводчик майор Максимов. – Ты почему сам не садишься кушать?

– Я после всех! Все мы рабы желудка, а я тут на кухне главный. Вот и сдерживаю себя, побеждаю желудок, – широко улыбаясь, махнул рукой командир хозяйственного взвода. Глаза его блестели.

– Видали? Вот настоящий пример для всех старшин рот и хозяйственников, да и для самого начальника продовольственной службы полка! – подняв указательный палец вверх, произнёс майор Усманов, стараясь этим незначительным жестом сделать акцент на своих словах.

– Так у него к котлу полевой кухни, – добавил капитан Симоненко, – кроме повара, без его личного распоряжения не подойдёт ни один человек.

Прапорщик Педченко, командуя на кухне, краем уха улавливал хорошие слова в свой адрес. Его лицо словно помолодело. Он то и дело бросал взгляд в нашу сторону, тихо напевая что-то весёлое.

Все в батальоне знали, что у прапорщика Педченко установлен железный закон: сначала накормить всех, а потом садиться за пищу со своим взводом. И это строгое правило никто не мог нарушить.

Над головой по-прежнему висели тучи, цепляясь за высокие горы. Время приближалось к тринадцати часам. В ходе обеда к нам подбежал командир взвода связи старший лейтенант Морозенко и хриплым голосом обратился к комбату:

– Товарищ майор! Вас срочно вызывает подполковник Высоцкий.

Майор Усманов взял с собой планшет и на двух боевых машинах убыл в штаб полка, который размещался в километре от нас.

Ровно через полчаса, вернувшись от командира полка, комбат через капитана Симоненко отдал распоряжение вызвать командира и офицеров девятой роты, а также артиллерийского корректировщика капитана Сычева. По их прибытию, расположившись рядом со мной, майор Усманов раскрыл рабочую карту, расстелив её на большом плоском валуне, наполовину вросшем в землю.

Разгладив рукой немного смятую карту, комбат с минуту внимательно сверялся с местностью. Затем волевыми чертами своего лица он в упор из-под бровей окинул глазами присутствующих. После чего тоном решительного человека поставил задачу:

– Вот здесь, по направлению действий нашего полка, расположен самый отдалённый высокогорный кишлак. По данным нашей разведки и афганской госбезопасности ХАД, там находится местный отряд самообороны, но в ту сторону уходят отступающие группы одного из бандформирований мятежников. Они могут скрыться в какой-либо горной пещере или неболь-

шом ущелье, спрятанном от посторонних глаз. В этом случае нам придётся тяжело, чтобы выкурить их оттуда.

– Но выше там одни ледники, а в небольшое ущелье, которое отмечено на карте, они могут пройти только через кишлак, – возразил командир роты старший лейтенант Шевченко.

– Вот-вот! В связи с этим и надо организовать взаимодействие с отрядом самообороны. Они знают там все места и пещеры, не отображённые на карте, в которых можно укрыться и переждать.

Нельзя допустить, чтобы противник проник туда и укрылся там, – подхватил капитан Симоненко.

– Хочу кое-что добавить, – продолжил я. – Товарищи офицеры! Мы идём в высокогорный район, где почти не ступала нога афганского солдата, не говоря о наших бойцах. Соответственно, следует обязать своих подчинённых, чтобы проявляли вежливое отношение к местным жителям и вели себя как следует в быту. Без спросу ничего не брать, соблюдать их правила и обычаи. Запомните, что даже небрежно брошенное нехорошее слово может навредить больше, чем сила оружия, и вызвать сразу же неприязнь, а в дальнейшем – может и месть.

– Итак, думаю теперь всё ясно, товарищи офицеры? Именно так и подчеркнул на совещании командир полка подполковник Высоцкий, – заключил майор Усманов. – Строжайше запрещаю любые выходки в отношении местного населения и предупреждаю, что при первом сигнале и замечании виновный будет отвечать не только в дисциплинарном порядке, но и по всей строгости закона.

Комбат исподлобья, нахмутив брови, посмотрел на подчинённых и добавил:

– Ну, а вот теперь все по местам!

Комбат развернулся, затем окинул взглядом уходящих офицеров и, обращаясь лично ко мне, уточнил:

– Пойдешь с девятой мотострелковой ротой. С собой возьмешь артиллерийского корректировщика, переводчика, приданное огнемётное отделение и саперов. Ничего не могу сказать о надёжности и лояльности этого отряда самообороны, – добавил он, – поэтому надо быть осторожными, внимательными и бдительными. В открытый бой по возможности не вступать, беречь себя и людей. При необходимости вызывать огонь артиллерии.

Майор Усманов замолчал, опустил голову и снова посмотрел на карту. Глядя на неё, он на какое-то мгновение о чем-то задумался, а затем, посмотрев на часы, озабоченно промолвил:

– Ну что ж, тогда не будем терять времени. Надо засветло добраться туда. Связь со мной держать постоянно. Проверьте хорошо сам кишлак и на ночлег останетесь там.

Глава вторая

На пути к высокогорному кишлаку

Получив боевую задачу, я взглянул на затянутое тучами небо. Погода не благоприятствовала. Было промозгло и сыро. Как только девятая мотострелковая рота выдвинулась по поднимавшейся вверх долине, вновь начал сыпать мокрый снег, превратившийся вскоре в моросящий дождь. Перед нами плыли, задевая своим брюхом верхушки гор, темно-серые облака. Обмундирование были набухшее и одеревеневшее от мокрого снега с дождём.

От места нашего расположения вышли к узкой и разбитой песчано-каменистой дороге. Она шла по предгорьям, то поднимаясь на гребни возвышенностей, то опускаясь в долину. Дорога петляла, извивалась среди холмов и небольших гор по дну долины, уходя вверх к самому дальнему кишлаку. Идти по ней было очень тяжело, да и далеко, на подошвы обуви комьями цеплялась грязь. Через минуты двадцать ходу мы свернули с дороги и остановились на возвышенности.

Окинув взглядом окружающий нас широкий простор, я вместе со старшим лейтенантом Шевченко сориентировались на местности по своим рабочим картам. Первым делом решили срезать путь направления нашего движения. Взглянув в бинокль, я увидел сразу показавшийся мне каким-то загадочным высокогорный кишлак.

Уйдя с дороги, мы взяли курс напрямик через небольшие гористые массивы и холмы к высоким белоснежным вершинам хребта, тянущегося далеко на северо-восток. Пройдя к подножию каменистого склона, медленно начали подъём. Однако каменистая осыпь склона вначале был настолько крутой, что нам пришлось взбираться вверх на четвереньках, цепляясь руками за выступавшие везде, вросшие в землю камни. Казалось, как будто их кто-то когда-то разбросал по всему периметру.

Поднявшись вверх, мы пошли по идеально ровной площадке горного склона, заросшего мелким, запорошенным снегом, колючим кустарником. Кроме кустарников здесь росли и небольшие хвойные деревья, корявые корни которых цеплялись за камни и уходили глубоко в трещины. Прохладный ветерок обдувал наши лица.

Миновав небольшую скалу, мы вышли на вившуюся, как змея, хорошо утоптанную пастушью тропу, неуклонно поднимаясь всё выше и выше. Вдоль неё, кроме валунов, поросших мхом и верблюжьими колючками, другой растительности не было. Порядок передвижения не изменили, только цепочка разорвалась на небольшие колонны.

Командир роты, рядом с которым шёл солдат с рацией на спине, поднялся на высокий валун и подал знак рукой, чтобы прибавили шаг. Тропа шла по высокогорью, где вдали размещалось одно из самых крайних в долине горных селений. Оглядываясь назад, мы видели расстилавшуюся внизу долину.

Уставшие бойцы брели цепью один за другим. Шли вялым шагом, понуриив голову, упорно глядя себе под ноги.

Оглянувшись назад, ротный подал команду:

– Подтянись!

– Отдохнуть бы немного, – ворчали они.

– Не хныкать! Выдержите. Не терять бдительность! – отвечали командир роты старший лейтенант Шевченко и командир взвода старший лейтенант Самохвалов, следовавшие во главе цепочки.

За ними шёл взвод лейтенанта Ермолова. Я находился в центре с артиллерийским корректировщиком капиталом Сычевым, а за ним пристроился его радист с радиостанцией за спиной. Чуть приотстав от нас, след в след шагали сержант Волков и мой переводчик рядовой

Турсунов. За ними следовал гранатомётно-пулемётный взвод роты. Замыкали колонну замполит роты лейтенант Рябых с командиром взвода лейтенантом Чепилем.

Впереди тропа выпрямилась и становилась всё шире и шире. Вскоре она начала плавно изгибаться, уходя вниз. Со стороны кишлака по каменистому ущелью с гулким рокотом неслась небольшая горная речка. Она урчала в каменистых вымоинах и, ударяясь о большие валуны, шипела и кудрявилась белой пеной. По склонам у реки ярко зеленела трава.

Спустившись в речную пойму, мы подошли к переброшенному через речку на другой берег старому деревянному мостику. Среди узких протоков внизу на мелководье проглядывали гольши и полосы песка, а далее шло углубление реки. Там вода уже целиком покрывала не только галечное русло, но и даже большие отполированные ею камни от разрушенных природой обломков скал.

Как только переправились по качающемуся мостику на противоположный берег, снова пошли крутые подъёмы. Офицеры и сержанты торопили всех идти быстрее, понимая, что задачу надо выполнить до наступления вечерних сумерек. В то же время все знали, что, совершив тяжёлый марш, в случае вступления в бой с мятежниками возможность эффективных действий подразделения уменьшается. Но будет ещё гораздо труднее, когда станет темно. Боевая задача может быть просто сорвана.

– Быстрее! Быстрее! Нечего там канителиться! – слышались голоса взводных.

Преодолев несколько подъёмов и спусков, бойцы опять заныли. – Может, все-таки сделаем небольшой привал, товарищ старший лейтенант? – раздался чей-то голос впереди.

– Прекратить разговоры! Хватит разглагольствовать! – вновь резко ответил старший лейтенант Шевченко и распорядился:

– Не отставать! Не задерживаться! Вперёд!

Позади послышалось частое сиплое дыхание, кто-то невнятно бормотал о чём-то и ругался. Впереди по левую сторону с вершины холма вспорхнул беркут и устремился ввысь к облакам.

– Веселей, ребята! Вперед! Перед подъёмом в кишлак мы сделаем небольшой привал, – подбодрил я бойцов, показывая рукой на небольшую скалу у дороги, ведущей в населенный пункт.

Среди бойцов пробежал радостный ропот. Кто-то впереди пробормотал:

– Слава богу. Скорей бы этот привал.

Распрямив грудь и вдыхая свежий горный воздух, все ускорили шаг. Время от времени спереди и позади слышался говор, но в целом по всей растянувшейся цепочке царило молчание. Все погрузились в свой собственный мир. Доносился лишь хруст гравия под ногами.

Наконец впереди уже четко стали видны очертания горного кишлака, расположенного в конце ущелья на каменистых, круто поднимающихся склонах и окруженного сплошными дувалами.

Вскоре наш авангард приблизился к небольшому горному ручью. За ним видна была дорога, поднимающаяся в кишлак. Цепочка бойцов с шутками и прибаутками запрыгала по камням, переходя ручей. – Ну вот, мы почти у цели, – послышался впереди голос старшего лейтенанта Самохвалова.

Я взглянул на часы. Стрелка приближалась к пятнадцати часам. Небольшой ветерок сдвигал виски, а окружающая тишина вызывала нетерпение. Обернувшись, посмотрел на подходящую цепочку бойцов, затем внимательно окинул взглядом прилегающую местность.

Слева от нас находилась небольшая скала с рядом обломков скальных пород с огромными валунами вокруг. Чуть правее было большое, более двух метров, каменное ограждение в виде стены. Оно прикрывало полуразрушенную старинную сторожевую башню у подножия высоты, на которой были разбросаны глинобитные и каменные дома. Через огромные валуны, усеявшие плато, пробираться было невозможно, пришлось свернуть правее и подойти к камен-

ной стене. В некоторых местах она обвалилась, имела ряд проёмов и щелей. Однако стена и валуны надёжно прикрывали нас от посторонних глаз со стороны кишлака. Остановились под их защитой и немного отдышались. Минут через десять подтянулись и остальные. Они сразу по отделениям и взводам стали усаживаться на больших плоских камнях и валунах, которых здесь было навалом.

Прежде чем выдвинуться в кишлак, приняли решение провести рекогносцировку на местности.

Вместе с артиллерийским корректировщиком я подошёл к ротному, который в это время в проёме скалы рассматривал в бинокль кишлак. Мы тоже достали бинокли. Через окуляры бинокля осматриваю местность. Сложенные из камней и глинобитные домики были словно прилеплены к крутому склону гор. В центре, в окружении хвойных и лиственных деревьев, возвышался голубой купол мечети с минаретом. Отдельные дома стояли на отвесной скале, и они как будто парили над ущельем.

В сторону горной речки террасами по склонам раскинулись огороды. Видно было, что все они ухожены и заложены очень давно.

Их размещение на холмах показывало, что они получают намного больше солнечного света, чем на ровном месте, а значит, на этих полях выращивают более богатый урожай. Пристроившаяся к ним старинная, обложенная камнями мельница указывала, что здесь среди других культур выращивают пшеницу. У домов росли кустарники и плодовые деревья.

Выше кишлака располагались хребты величественных, обрывистых высоких гор, покрытые снегом. За террасами со стороны горной речки к кишлаку примыкали небольшие пологие скалы с широкой расщелиной, направленной в нашу сторону, где дорога начинала подъём вверх к кишлаку.

– Удобное место для засады, – подметил капитан Сычев, кивком головы показывая в сторону пологих скал, поросших мелкими кустарниками.

– Это точно! – подтвердил я, внимательно всматриваясь в расщелину и разросшиеся вокруг нее кусты, хотя на первый взгляд ничего подозрительного не заметил.

– Товарищ лейтенант! – кивнул ротный командиру взвода лейтенанту Ермолову. – Выдвигайся со взводом в кишлак, вот к тем ближайшим домам. Переводчик, думаю, среди твоих пацанов есть.

Уточнишь обстановку и дашь знать, что и нам можно продолжать движение.

– Есть! – ответил лейтенант и через несколько минут его взвод, выйдя на дорогу, по отделениям стал продвигаться в сторону кишлака. Как только прошли метров на тридцать вперед, со стороны пологих скал ударил пулемёт, в этот же миг раздался треск автоматных очередей.

Бойцы среагировали мгновенно. Вся цепочка взвода распласталась на земле, вжавшись в грязь со снегом. По команде взводного, медленно перекаtywаясь и переползая к обочине, бойцы укрылись за каменным бордюром, заботливо уложенным вдоль дороги.

Я, сам оказавшись на открытом пространстве, наблюдая за взводом лейтенанта Ермолова, резко развернулся... Сделав несколько шагов назад за каменную стену, махнул всем рукой, чтобы не высовывались. Свист и скрежет пуль, ударявшихся о камни и рикошетом разлетающихся в стороны, звучал везде. Они ложились и почти рядом с нами. К счастью, пули никого не задевали, но не давали поднять голову и передвигаться. Пока было непонятно, откуда бьют духи, но через мгновение послышался голос ротного:

– Из расщелины бьёт пулемёт, а справа и слева от него на хребте автоматчики, – всматриваясь в бинокль из дыры в стене дувала, произнёс старший лейтенант Шевченко.

– Ну что, придётся, видно, артиллерией подавить их огневые точки, – сказал я, обернувшись к расположившемуся рядом со мной капитану Сычеву.

– Понял, сейчас сам гляну!

Артиллерийский корректировщик достал бинокль и начал всматриваться в сторону, откуда велась стрельба. Быстро определив координаты, он позвал радиста, чтобы вызвать огонь артиллерии.

В свою очередь, присев на колени, я сам из другого проёма дувала стал наблюдать за противником. Через минуту, развернувшись, разыскал глазами командира гранатомётно-пулемётного взвода роты и позвал его к себе. Тот подбежал и присел рядом на корточки.

– Сможешь отсюда достать противника? – спросил я.

– Так точно! Достать можно, но поразить тяжело. Разве только, когда оставшиеся после огня артиллерии духи будут отходить вниз к реке, – ответил прапорщик. Определив опытным глазом расположение огневых точек противника, он отдал распоряжение своим бойцам занять позиции.

Вскоре шквал артиллерийского огня обрушился по противнику. Одновременно, вперемежку с артиллерийской стрельбой одной из батарей артиллерийского дивизиона полка, заработали наши ручные пулемёты и автоматический гранатомёт, издавая свой характерный звук.

Под их прикрытием ползком, мокрые и в грязи, возвратились бойцы взвода лейтенанта Ермолова, а за ними, в испачканном на животе бушлате, короткими перебежками появился и сам командир взвода.

– Ну, гады! Неожиданно ударили... Но все целы, только по чистой случайности не попали в нас с первой очереди. А там мы...быстро сориентировались, никто не убит и не ранен, – скороговоркой доложил он.

– Всем рассредоточиться по периметру за дувалом. Обеспечить визуальный контроль за противником и ждать дальнейших указаний. Только не высовываться! – отдал распоряжение Шевченко.

Бойцы взвода собрались все вместе у края сплошной каменной стены у полуразрушенной башни и, делаясь впечатлениями, стряхивали с себя грязь. Немного отдышавшись, по команде своего командира взвода они тут же у дороги рассредоточились, укryвшись за дувалом и развалинами старой башни.

Артиллерийский корректировщик, наблюдая за разрывами снарядов, следил за точным попаданием в цель и передавал целеуказания через радиста по радиосвязи. Первый пристрелочный снаряд не долетел до цели буквально пятьдесят метров, зато второй и последующие легли прямо в расщелину, откуда стрелял пулемёт. Пулемёт выплюнул ещё одну короткую очередь вверх и замолк. В это же время со стороны кишлака в сторону, где находилась пулеметная точка душманов, началась интенсивная стрельба из автоматического оружия и винтовок. Эхо покатило к реке по дну равнины.

– Ни хрена не пойму, кто там еще? С кем идёт перестрелка? – произнес удивлённо командир роты. Он бросил под ноги недокуренную сигарету и вновь стал всматриваться в бинокль. В это же время капитан Сычев отдал через радиста команду перенести огонь артиллерийских орудий ближе к кишлаку...

Старший лейтенант Шевченко, тоже наблюдая за разрывами, опустил бинокль и, о чём-то думая, посмотрел на меня.

– Кажется, что кто-то там помогает нам. С кишлака стреляют в сторону духов, – промолвил он. – Может, прекратить огонь?

– Значит, это и есть тот отряд самообороны, о котором говорил комбат и предупреждали нас хадовцы из афганской службы безопасности, взаимодействующей с нами, – предположил я. – Не ровен час и их накроет артиллерия. Надо срочно перенести огонь обратно в сторону расщелины! – командным тоном, нахмутив лоб и немного волнуясь, произнёс я.

Капитан Сычев и сам это понял. Он скорректировал огонь артиллеристов. Через какое-то мгновение в подтверждение моих слов со стороны кишлака раздались крики. Сверху по дороге к нам спускались трое людей. Впереди, размахивая руками и неразборчиво крича, шёл седобородый мужчина, а за ним – двое с оружием в полувоенной афганской форме.

– Что они хотят? – обернувшись, спросил я у рядового Турсунова, которого в качестве переводчика порекомендовал мне из управления батальона майор Усманов.

Тот, прислушавшись, воскликнул:

– Товарищ старший лейтенант! Это местные жители, и они кричат, чтобы мы прекратили огонь артиллерии.

Я махнул рукой капитану Сычёву, и тот громко отдал приказ своему радисту:

– Шарипов! Срочно передай! Прекратить огонь!

Глава третья

Знакомство с кишлаком. Встреча с местными жителями и отрядом самообороны. Осмотр близлежащих окрестностей

Спустившись вниз, афганцы подошли к нам. Покосившись на стволы автоматов бойцов, направленные на них, пожилой седобородый мужчина величавым движением провёл по бороде и с достоинством поклонился, приложив руку к груди. Всмотревшись строгими и пристальными глазами на нас, он кивнул головой и представился местным муллой Хайруллой. Вооруженные люди оказались из отряда самообороны.

Мы, в свою очередь, согласно местным обычаям и традициям, поприветствовали их. Они рассказали, что небольшая банда мятежников уходила от преследования по руслу реки вглубь гор, но, видно, заметив советских солдат, решили устроить засаду. А когда артиллерия накрыла их, уцелевшие душманы попытались скрыться в кишлаке, но встретили отпор со стороны местной самообороны, вынуждены были отойти вниз к реке.

Мулла Хайрулла оказался добродушным и приветливым человеком. В его сопровождении мы и направились вверх к кишлаку. Мулла повёл нас по противоположному склону каменистой дороги, чтобы мы были незаметны для мятежников, если после прицельного и методичного артиллерийского огня кто-то ещё остался из них там на хребте.

По-прежнему было тускло и серо, в воздухе пахло сыростью. Слышались шорохи сбегаящей вниз воды. Хотя дождь со снегом давно закончился, но ноги в некоторых местах разъезжались, а иногда попадали в выбоины, наполненные мокрой снежной кашей. Мулла шёл рядом со мной и переводчиком рядовым Турсуновым. Он рассказывал, что этот кишлак имеет древние корни, которые тянутся на многие сотни лет, даже тысячелетия. Рядовой Турсунов, выросший сам в горном таджикском селении, быстро нашёл с ним общий язык.

– Мулла Хайрулла родился здесь, а его предки основали этот кишлак. Он очень древний, как и его род, ох как древний... – разъяснил мне Турсунов.

Когда мы приблизились к крайним глинобитным заборам-дувалам, то перед глазами совсем рядом на склонах открылось по-настоящему красивое место террас, возделанных местными крестьянами. Все огороды были окружены маленькими каменными заборчиками. Кругом был порядок и заботливый уход. Войдя в кишлак и пройдя вглубь, к нашему удивлению, мы увидели, что он не был тронут войной. Все дома и дувалы оставались целыми, не было даже следов от пуль, не говоря уже о разрывах снарядов и мин. А ведь недалеко отсюда, после свержения короля, почти десять лет вихрем пронеслись междоусобные конфликты.

– А посторонние бывают у вас? – спросил я на ходу у муллы.

Мулла посмотрел на меня своими умными с хитринкой блестящими глазами, как будто раздумывая о чём-то.

– У нас селение горное, далеко от уездного центра, дорога узкая, труднопроходимая, поэтому сюда редко кто заглядывает, – немного выждав, стал разъяснять он, вглядываясь в хорошо знакомые для него очертания гор.

– Ну а из военных кто-то появляется здесь?

– У нас военных, кроме нашего отряда самообороны, о котором знают даже в провинции, практически не бывает, а вот советских солдат мы видим впервые, – окинув беглым взглядом нашу колонну, ответил мулла Хайрулла, затем уже доверительным тоном произнёс:

– Я рад, что среди вас много мусульман и все молодые ребята.

Несмотря на благожелательность местного муллы, в его словах улавливалась какая-то обеспокоенность. Я понимал, что надо быть в готовности ко всему, поэтому немного приотстал,

пока мулла оживлённо продолжал разговор с Турсуновым, и, подойдя к командиру роты, тихо сказал ему:

– Один взвод надо оставить на входе в кишлак. Выставить охранение и постоянно держать с ним связь.

Тот кивнул головой и сразу же отдал распоряжение. Вскоре мы поднялись на возвышенность, видную в кишлаке отовсюду. Здесь, среди зелени деревьев, находилась мечеть и площадь. Живая древность воплощалась в самой мечети, купол которой, сияющий бирюзовой голубизной со стройным минаретом, устремлялся ввысь. Отсюда был виден не только весь кишлак, но и далеко окружающие окрестности.

Перед нами раскинулась такая мешанина хребтов и ущелий, что рябило в глазах. Буквально минут через пять горный кишлак наполнился шумом. Перед мечетью на площади собирались местные жители. Народ валил со всех сторон. Некоторые усаживались на землю у высокой каменной стены, окружающей мечеть, поджав под себя ноги. Люди тихо переговаривались между собой, делясь, видно, впечатлениями от приближающихся к ним солдат.

С нескрываемым любопытством глазели на нас ребяташки. Некоторые, чтобы лучше видеть, взобрались на деревья, а кое-кто залез на дувалы и, придерживаясь одной рукой за ствол дерева, смотрели на дорогу и площадь. В отличие от других мест, где мы бывали, в этом кишлаке даже подростки ничего не просили и не предлагали. Толпа подростков сначала пугливо держалась на расстоянии, но через некоторое время приблизилась к нам.

Они, шушукаясь и улыбаясь, тарасили глаза на вооружённых советских солдат.

Отдельно у портала мечети, оправив одежду и поглаживая бороды, гуськом обступили возвратившегося с нами муллу старики – старейшины кишлака.

Подойдя поближе, я всех почтительно поприветствовал согласно их обычаям, держа руку у сердца. Затем в знак уважения отдельно сказал обычное приветствие старикам. После чего, закинув на плечо автомат, я поднял руку и кивнул мулле, чтобы дали мне слово. Тот бросил свой суровый взгляд на старейшин и толпу дехкан – жителей кишлака. Все невольно приоткрыли, наблюдая за каждым моим движением.

Турсунов тоже сразу же понял и подошёл ко мне, чтобы перевести мои слова. Присматриваясь и скользя взглядом по лицам собравшихся, я пожелал всем здоровья и удачи в их делах. Затем кратко, подбирая самые простые слова, рассказал о последних новостях в мире и о нашей миссии в Афганистане.

Переглянувшись между собой, старейшины сразу же оживились и одобрительно зашумели, обсуждая между мои слова.

Вскоре площадь обступили вооружённые люди в полувоенной афганской форме, во все глаза рассматривая нас. Мы, в свою очередь, искоса поглядывали на отряд самообороны, вооружённый автоматами Калашникова самых первых образцов, автоматами ППШ времен Великой Отечественной войны и винтовками. Подошедший к нам с чёрными, как смоль усами, коренастый в военной форме мужчина, приветливо улыбаясь, отдал честь и по-военному представился:

– Уполномоченный народной милиции уезда и начальник местного отряда самообороны джаг туран ² Рахмдил!

Стоящие рядом командир роты старший лейтенант Шевченко, артиллерийский коррективщик капитан Сычёв вместе со мной поприветствовали афганского офицера и обменялись рукопожатием. Командир роты с ходу спросил у Рахмдила:

– Как часто вашему отряду приходится вступать в перестрелки с мятежниками?

– Да вот впервые... только сегодня! – ответил начальник отряда самообороны. На русском он говорил довольно чисто, с почти неуловимым акцентом.

---

² Джаг туран (афг.) – старший капитан, звание между капитаном и майором в афганской армии.

Вскоре к нам подошли остальные офицеры для получения дальнейших указаний. Осматривая окружающих и слушая начальника отряда самообороны, я с удивлением смотрел на него. Офицеры, да и я сам вначале были в недоумении, почему их не трогают действующие вокруг многочисленные отряды бандформирований мятежников. Среди наших офицеров даже пробежал ропот.

Рахмдил перехватил наши удивлённые взгляды, мягко улыбнулся в свои усы, а затем совершенно спокойным тоном на хорошем русском языке пояснил:

– Вы можете быть совершенно спокойны, но я бы хотел добавить существенные вещи. Я сам учился в Советском Союзе, агроном по специальности. Но вот пришлось поменять работу на службу в Царандое. Здесь, в этом кишлаке, весь мой род находится. Наш кишлак – во всей провинции один из самых дальних. После нас тупик и непроходимые горы, поэтому сюда мало кто добирается. Что касается душманов, то здесь они не бывают. Нам проблемы не нужны. Сыновья местных дехкан проходят службу в афганской народной армии. Правда наша мирная жизнь сложилась не только благодаря защите кишлака отрядом самообороны, но и во многом за счёт разумной дипломатии нашего муллы Хайруллы.

– Чувствуется, что он влиятельный у вас человек, – тихо подметил капитан Сычёв.

– Да. Это так. Он пользуется большим влиянием и авторитетом не только у нас, а во всём районе, даже провинции. Вот только сегодня впервые к нам забрела какая-то банда, уходя от вашего преследования.

– По всей видимости, как я понял, мулла главный здесь, вроде местного князька у них, а Рахмдил выполняет только функции безопасности и охраны, – наклонившись ко мне, прошептал Шевченко.

– Думаю тоже так. Мулла здесь хан и вождь местного племени, – склонив голову в знак согласия, ответил я.

Начальник местного отряда самообороны с первых минут общения тоже вызывал симпатию, но нам надо было лично удостовериться в его словах.

– А куда, по-вашему, ушли уцелевшие душманы после того, как их накрыл огонь нашей артиллерии, а потом ещё получили отпор вашего отряда самообороны? – спросил я.

– В горы они точно не пойдут, ибо там сплошные ледники. Вот только здесь, в этом направлении, – показывая на противоположную от горной речки сторону, – есть маленькая долина в небольшом ущелье, где наши охотники на горных баранов и диких козочек охотятся. Но вот попасть туда можно только через кишлак.

– Интересно, тогда они могут уйти обратно по руслу реки или затаиться где-то рядом, – высказал свою мысль ротный.

– Считаю, что они не рискнут где-то поблизости укрыться. В тех небольших пологих горах и ущелье мы каждый камень знаем. Не будут они там скрываться. Скоро темнеть начнет и, по всей видимости, под покровом ночи они уйдут обратно в долину, откуда пришли, – убедительно разъяснил Рахмдил, а затем предложил:

– Давайте, пока светло, первым делом проведём осмотр прилегающей к кишлаку местности, а потом будем размещаться на ночлег. – Дельное предложение! Действительно... пока светло, надо решить главную задачу, – ответил я и махнул рукой старшему лейтенанту Шевченко, чтобы подошёл к нам.

– Остаёшься за меня! – отдал распоряжение замполиту роты лейтенанту Рябых командир роты, – а затем, развернувшись к старшему лейтенанту Самохвалову, приказал:

– Товарищ старший лейтенант! Вы со своим взводом выдвигайтесь за нами!

Выждав, пока ротный отдавал распоряжение, начальник отряда самообороны поднял руку и, жестом указав направление на башню, сказал:

– Следуйте за мной!

Я с командиром роты, артиллерийским корректировщиком и взводом старшего лейтенанта Самохвалова в сопровождении Рахмдила направились к околице с тыльной стороны кишлака. Там стояла ещё одна каменная башня, которая ярко выделялась на фоне скал и проглядывающего из-за туч серовато-голубого неба. Она стояла на самом высоком месте и, в отличие от нижней, на входе в кишлак, она была неразрушенной. Только внизу от нее отходила окружающая это уникальное сооружение выщербленная временем стена.

В этой древней, по всей видимости, недавно отремонтированной сторожевой башне с узкими бойницами, примыкавшей к отвесной скале, располагался опорный пункт отряда самообороны. Строению было сотни, а может, и тысячи лет. Двое караульных, находившихся у входа, обдав нас запахом холодной сырой овчины, с нескрываемым интересом рассматривали нас.

Старший капитан Рахмдил быстро распахнул дверь в башню и пригласил:

– Товарищи офицеры, пусть ваши бойцы пообщаются с бойцами местной самообороны. Вижу, что среди них есть те, кто знает наш язык, а мы пройдем внутрь и поднимемся наверх. Там и осмотрите окрестности.

Поднявшись по глухой, упиравшейся в стену, каменной лестнице, мы оказались на круглой площадке с узкими окнами.

– Ого! Так это настоящая неприступная крепость, если её попробовать взять штурмом, – воскликнул старший лейтенант Шевченко. – Это точно! Тут можно несколькими стрелками целую роту перестрелять, если вздумали бы штурмовать, – осматривая башню, сказал старший лейтенант Самохвалов.

– Только вот сыроватая и мрачная, пахнет затхлостью глубокой древности, – глядя через окошко слева на зубчатые стены, распрямив плечи и сделав глубокий вдох, добавил артиллерийский корректировщик капитан Сычѳв.

– А вы, дабы иметь максимальный обзор, подойдите к окошкам в направлении дороги, по которой вы входили в кишлак. Оттуда просто прекрасная панорама, – кивнул нам начальник отряда самообороны.

Подойдя к окошкам, сквозь узоры кованых решѳток мы стали вначале невооружѳнным взглядом, а потом с помощью бинокля рассматривать окружающие кишлак окрестности.

С башни открывался отличный обзор. Вдали перед нами среди холмов раскинулась обширная долина и тропинка, по которой мы поднимались к горному кишлаку. Справа с шумом текла вниз речка, беря начало от родников, которые хорошо просматривались с башни. Всё обнажалось перед глазами, словно на ладони. Уютно разместившийся у подножия хребтов кишлак был довольно большим для горного селения и насчитывал около ста домов. Некоторые дома из-за деревьев и садов только угадывались. Высокая мечеть и просторная площадка перед ней были совсем рядом. Изгородь вокруг кишлака представляла собой сплошные, выложенные из камня дувалы. Они, с одной стороны, отделяли кишлак от огородов дехкан, которые террасами раскинулись до самой речки, а с другой – от загонов для скота и пастбищ. Вокруг самого опорного пункта вся растительность, дикорастущие кустарники и деревья были тщательно вычищены, а дорога к нему была застелена армированными каменными плитами.

Справа, метрах в пятистах у расщелины, на небольших пологих скалах были видны следы копоти и гари, обрывки одежды, стреляные гильзы и пятна крови.

Спустившись обратно вниз, мы направились туда, откуда недавно вели по нам огонь духи. Подойдя к месту вынужденной засады мятежников, мы поняли, что на этом месте уже побывали афганцы-бойцы отряда самообороны, подобрав оставленное оружие. Показывая глубокий проём в скале, начальник отряда промолвил:

– Вот туда мятежники побросали своих убитых и, по всей видимости, добивали раненых, зная, что с ними далеко не уйти.

Мы переглянулись с командиром роты, но пройти по хребту дальше, чтобы более тщательно проверить, не рискнули. Ничего подозрительного визуальным осмотром мы не обнаружили. Рахмдил уверенно стоял рядом с нами, поставив ноги на ширине плеч, что свидетельствовало о его сильном и твёрдом характере и умении приспособливаться к обстоятельствам.

Первый пасмурный весенний день на исходе. Грязно-серые облака, похожие на дым далёкого пожара, низко плыли над горами, цепляясь за верхушки скал. Однако уже во многих местах просвечивалось голубое небо, а на западе, между горами, сквозь облака пробивался тусклый свет заходящего солнца.

Бросив взгляд на Рахмдила, я спросил у него:

– А как нам осмотреть ваше небольшое ущелье, о котором вы говорили?

Посмотрев на часы, Рахмдил предложил:

– Вы можете быть совершенно спокойны. Совсем скоро начнет темнеть, а пока можно спокойно с некоторым комфортом разместиться на ночлег. Мулла уже распорядился о вашем ночлеге.

– А вдруг туда проникнут посторонние? – глядя на Рахмдила, молвил старший лейтенант Шевченко.

– Что касается осмотра нашего небольшого святого ущелья, то прошу не беспокоиться. С рассветом вы его увидите. Я заверяю еще раз, что туда непрошенные гости не смогут проскользнуть, – отметил начальник отряда самообороны.

– Тогда вперед! – махнул рукой я. И уже на ходу, отойдя от опорного пункта отряда самообороны, отдал распоряжение командиру роты:

– Обязательно проведите инструктаж личного состава о достойном поведении в домах афганцев. Их традиции не нарушать, в домах досмотр не проводить. Здесь, в этом кишлаке, всё ясно. Они живут гораздо спокойнее по заведенному у них порядку, вот поэтому их особо не интересует то, что там творится внизу, в долине. Но, несмотря на это, бдительность не терять, выставить часовых и парный патруль. Мало ли что может произойти. Нам всем надо держать ухо востро и не расслабляться.

– Понял, что слишком быть доверчивым нельзя. Осторожность нужна всегда, – тихо произнес старший лейтенант Шевченко.

Затем, когда мы ускоренным шагом догнали Рахмдила, который шёл впереди, ведя оживленный разговор с офицерами, ротный спросил у него:

– У вас есть ночной патруль по кишлаку от местного отряда самообороны?

– Мы выставляли только часовых, а с началом боевых действий в провинции советскими и афганскими частями с мятежниками мы стали выставлять и патруль. Так что сегодня ночью мы можем организовать совместный патруль с вашими солдатами, – ответил Рахмдил. Он взглянул на небо и добавил: – По всей видимости, ненастная погода меняется. Завтра будет солнечный день, по крайней мере лучше сегодняшнего.

В это время, пока мы беседовали и рассматривали кишлак с прилегающими окрестностями, наши бойцы за обе щеки уплетали лепешки с молоком, которыми их угостили местные жители. Рахмдил окинул взглядом разбившихся повзводно и по отделениям солдат и стал вместе с командиром роты распределять их по домам.

Распределив весь личный состав, командир роты объявил общее построение. После проверки личного состава он вместе с замполитом и командирами взводов начал проводить инструктажи, назначая часовых и парный патруль.

Я, в свою очередь, с самой верхней точки у отвесной скалы ещё раз бегло окинул взглядом дома, где должен размещаться личный состав, и направился вновь к Рахмдилу, который уже стоял на площади, беседуя со старейшинами кишлака. Надо было уточнить некоторые вопросы на завтрашний день. Увидев меня, он заулыбался во весь рот и сделал несколько шагов навстречу. Ответив на мои вопросы, он предложил:

– Чтобы быть рядом с тем ущельем, не желаете ли вы остановиться у старшего брата нашего уважаемого муллы? Очень интересный старик, самый уважаемый из всех старейшин в кишлаке и нашем уезде человек. Он много в жизни прошел и видел. Работал долгое время мастером на гидроэлектростанции «Наглу» в уезде Суруби. Более того, он вместе с советскими специалистами принимал участие в её строительстве, причём с самого начала до окончания всех работ.

– Ого! С удовольствием можно пообщаться с ним! – воскликнул я.

– У него тот крайний у скалы дом. Думаю, что вы найдете с ним общий язык. Кстати, там рядом находится и вход в то интересное ущелье, – загадочно проговорил Рахмдил.

– А вы его предупредили? – спросил я.

– С ним, пока мы осматривали местность, мулла Хайрулла переговорил. Уважаемый наш старейшина Муатабар уже ожидает вас. Я вас сам проведу туда.

– Очень приятно... Спасибо! Чувствуется, что вы тут с муллой все вопросы оперативно решаете, заботитесь о людях... – улыбаясь, ответил я.

Губы и брови Рахмдила добродушно сложились, и он молча ответил улыбкой на улыбку, чуть склонил голову, благодаря за лестные слова.

Я, в свою очередь, приложив правую руку к груди, ещё раз слегка поклонился старейшинам, которые внимательно наблюдали за нами. После чего направился обратно к месту, где проводил инструктаж ротный.

– Какой взвод распределили в крайних домах по ту сторону кишлака? – спросил я у старшего лейтенанта Шевченко, показывая рукой в направлении дома старика, о котором мне только что говорил Рахмдил.

– Взвод лейтенанта Чепиля, – доложил командир роты и добавил: – Значит, вы будете размещаться там? Тогда я с первым взводом ухожу вниз, откуда мы входили в кишлак. Второй взвод с приданными нам сапёрами и огнеметчиками предлагаю в центре кишлака, а гранатомётно-пулемётный взвод – наверху по левую сторону от мечети, где расположен опорный пункт отряда самообороны.

Выслушав командира роты, я распорядился:

– Отлично! Надеюсь, что всё будет нормально. Завтра в семь утра, сразу после завтрака, объявите общий сбор личного состава на площади у мечети. На заре, как только начнёт светать, с лейтенантом Чепилем лично сделаю осмотр ущелья. Если что, сразу дам знать. Артиллерийский корректировщик со связистом остаются с вами.

– Рано утром я тоже подойду к вам. Хочу взглянуть на это загадочное ущелье, вдруг помощь моя потребуется, – кивнул головой в сторону ущелья капитан Сычев.

– Хорошо, давайте подходите, – ответил я.

После последних уточнений задач по распределению личного состава я в сопровождении начальника отряда самообороны Рахмдила вместе со взводом лейтенанта Чепиля направились по небольшой улочке, отходящей за мечетью вправо к месту назначения. По одну сторону улицы были отвесные стены почти вертикальных скал, примыкающих к кишлаку, которые в некоторых местах были обтесаны жителями вручную. С другой стороны расположились глинобитные дома с плоскими крышами. Несколько домов располагались по склону горы настолько близко друг над другом, что крыши нижних служили двором для верхних.

Промокшие и уставшие бойцы шли не спеша, еле волоча ноги. Пройдя метров тридцать-сорок, мы встретили двух довольно древних, белых как лунь старцев. Они, опираясь на посохи, сидели у дороги на скамье из каменной плиты, застеленной овчиной. Скамья удачно вписывалась в рельеф обтесанной горизонтальной скалы между двумя раскидистыми кустарниками, свисающими над дорогой.

Старцы с любопытством смотрели на нас и махали руками. Мы в ответ поприветствовали их словами «Салам аллеикам!» и, сделав небольшую петлю, огибая выступ одной из скал, минут через пять подошли к крайним домам. Там уже ждали двое местных активистов, чтобы развести нас по домам. Остановившись у скалы, разбили взвод на две группы, и я тут же отдал распоряжение командиру взвода:

– Товарищ лейтенант! Напоминаю о часовых и парном патруле. Ребята устали, поэтому надо будет менять их через каждые полтора часа. Проинструктируйте всех еще раз, а я осмотрю местность. Только побыстрее, а то скоро ночь настанет, – поднимая глаза к небу, добавил я.

Пройдя с начальником отряда самообороны немного вверх, мы оказались перед высокой, заросшей плетушимися кустарниками старинной стеной, расположенной в метрах десяти от скалы. За ней виднелись верхушки деревьев и дом старика, где мы должны были разместиться на ночлег. Дорога там заканчивалась, но от нее уходила широкая протоптанная животными тропа.

Прежде чем отправиться к месту отдыха, я решил осмотреть её. Оказавшись на тропе, я увидел в пятнадцати метрах левее тропы каменные ступени и большой тёмный проем, идущий куда-то вглубь скалы.

– Что там? – спросил я.

– Ну вот там и находится то самое интересное место, – произнес Рахмдил, – Только вот уже наступают сумерки, и мы сейчас там ничего не увидим. Поутру я буду здесь, поэтому само ущелье вы увидите завтра. Кстати, его покажет вам наш уважаемый старейшина Муатабар.

– А тропа куда ведет? – уточнил я.

– Там ниже находится ивовая роща, далее на склонах растут гранатовые сады, а в самом низу – долина с загоном для скота и пастбищем.

– Душманы случайно не могут туда зайти? – вновь задал я вопрос.

– Исключено! Там все видно, как на ладони. Да и укрыться там негде. Основная опасность их подхода – со стороны реки, с тех пологих гор, откуда мятежники стреляли и пытались войти в кишлак. Причём это был отряд точно не из жителей кишлаков нашей провинции и уезда. Местные знают, что от нас могут и отпор встретить. Мы живем мирной жизнью, с властью не ссоримся, сыновья многих дехкан в афганской армии, – опять заострил на это внимание старший капитан Рахмдил.

– Хорошо, – махнул я рукой, направляясь обратно. Встречаемся утром здесь, – ответил я ему.

Рахмдил, слегка наклонив голову, приложил к груди руку, после чего направился к центру кишлака, а я подошел к лейтенанту Чепилу и уточнил у него:

– Ну что, Иван, наряд назначил, проинструктировал его?

– Так точно! Но вот все бойцы еле на ногах стоят, устали, да и голодные, мокрые все. Ноги натерли, спать хотят. Быстрее на отдых.

Окинув взглядом солдат, которые стояли, переминаясь с ноги на ногу и о чем-то разговаривая между собой, я быстро перевёл глаза на взводного:

– Ладно уж им плакаться... Все устали, а пока офицеры осматривали прилегающую местность, они молоко с лепёшками наяривали. У нас тоже крошки во рту за день не было... а вот подсушиться и отдохнуть надо, заодно и поужинаем. Кстати, ещё раз сержантам напомни, да и сам учти: когда будешь проверять парных часовых на окраине кишлака, чтобы были начеку и обратили внимание вот на эту тропу, которая отходит вниз. Там ещё и какое-то небольшое ущелье расположено. Допускаю, что там ничего и никого нет, как заверяют нас, но чем чёрт не шутит, всякое может быть, – высказал я.

Лейтенант понимающе кивнул, после чего козырнул, а затем, повернувшись к бойцам, громко произнес:

– Чего, ребята, приуныли? Не падайте духом! Отправляемся по местам отдыха. Командуйте, товарищи сержанты!

Глава четвёртая

Во дворе старейшины кишлака МуATABАРА. Сытный ужин с душевной беседой под покровом ночи у костра

После отдачи распоряжения на отдых все с облегчением вздохнули и, сделав несколько шагов, с неумолкающими шутками и хохотом разошлись, словно растаяли, по назначенным дворам. Подойдя со своей группой к самому крайнему, окруженному высоким дувалом добротному каменному дому, мы увидели, что калитка была приоткрыта. Массивные старые ворота были закрыты на большой, слегка проржавевший замок.

Войдя во двор, сразу почувствовался сильный мускатный запах от красного, словно язык, пламени. Вместе с дымом по двору распространялись и другие божественно-восхитительные запахи. Аромат чего-то вкусного исходил от большого казана. Там под навесом у него возился старик. Рядом шумел бежавший через двор ручеёк. Как только он услышал топот ног и голоса, тут же распрямылся, вытер вспотевшее от огня и пара лицо, затем медленным движением повернулся в нашу сторону.

Старик был высокого роста, на вид лет девяносто, гордый и уверенный в себе человек. Благородные черты его лица выражали доверие, доброту и внушали уважение. Вся его голова и длинная борода были полностью покрыты сединой.

Как только мы все вошли во двор, старик поклонился и кивком головы показал, чтобы мы располагались вокруг костра. Прищуриив свои пронизательные глаза, он пытливым взглядом сверлил нас... На его лице не было ни страха, ни растерянности. Он весь излучал какую-то духовную силу и уважение.

– Прошу вас, проходите, размещайтесь и присаживайтесь вокруг костра, – пригласил старик на чистом русском языке и кивнул головой на приготовленные места.

«Быстро же оповестили и предупредили хозяина», – подумал я.

Поприветствовав вместе с моим нештатным переводчиком рядовым Турсуновым старика, мы начали разговор. Таджик Турсунов обратился к нему на его местном языке, но тот махнул рукой, что тот разговор будет вести сам на русском.

Бойцы, расстелив плащ-палатки, повесили на веревках для сушки белья свои бушлаты и уселись вокруг костра, где на обтёсанных камнях стоял большой старинный чугунный казан, а метрах в трёх от него грелся такой же старый глиняный тандыр, представлявший собой азиатскую печь-жаровню. Он размещался на глиняной платформе и имел конусообразную форму. Нижняя часть жаровни была закопана в землю. Хорошо оформленный контур земляной печи идеально вписывался в пространство под навесом и создавал интересный общий вид во дворе.

На несколько минут воцарилось молчание. Все осматривали вокруг себя хозяйственные постройки, которые лепились рядом с домом и полукругом размещались во дворе. За ними был загон для скота, а дальше виден был сад. Тихо было и на небе, тучи почти рассеялись, только изредка с северо-запада набегал прохладный воздух, да слышался шум воды. Высоко, упираясь в облака, розовели снеговые шапки гор, а из всех щелей густой, сырой лавой выползала темнота. Надвигалась ночь и быстро темнело.

Уставшие бойцы располагались так, чтобы не только отдохнуть, покушать, но и просушить прямо у костра свои портянки и обувь. Огни пламени костра и висевшие у навеса две керосиновые лампы освещали наши лица и двор.

– Ого... Да тут и водоснабжение есть, – воскликнул нарушивший тишину, сержант Раздеваев, осматривая проложенные во дворе трубы. Он с сержантом Волковым направился к выложенному из камней колодцу, вписавшемуся в дизайн аккуратно подстриженного виноградника.

– Да тут, ребята, кристально чистая и вкусная горная вода, – отметил сержант Волков, отхлёбывая из кружки обжигающую холодом воду.

Вода по трубам бежала откуда-то сверху, наполняя колодец во дворе, а её излишки по небольшой канавке уходили куда-то вниз. – Кишлак питается водой из родника и от тающих ледников. Выход воды уже многие годы назад был благоустроен и забетонирован. Часть воды по трубам подается к домам местных жителей, другая часть идет для огородов и садов. А вот остальная вода со стороны, где расположена сторожевая башня, стекает в горную речку, а с этой стороны – в овраг и долину с небольшим, но облагоустроенным жителями водоёмом. Там у нас находится пастбище для скота, – медленно разъяснил старик, помешивая угли.

– Значит проблем с водой нет? – спросил рядовой Турсунов.

– Никогда не бывало, причём вода всегда самая чистая, – промолвил старик.

– О! Это же главное для любого селения, особенно в гористой местности. Я это хорошо знаю! – сказал Турсунов.

– Хватит уже вопросы задавать, жрать пора и завалиться куда-нибудь, где потеплее... – проворчал недовольным тоном рядовой Маматкулов, доставая из вещмешка консервы и прихихиваясь к казану.

Его примеру последовали другие бойцы. Орудя ножами, они стали открывать банки и тоже ловили аромат, исходящий от казана и тандыра.

Старик с интересом и серьёзным видом с минуту разглядывал, как солдаты готовятся к ужину. Через мгновение он улыбнулся и, медленно поглаживая рукой свою длинную белую бороду, стал не спеша разъяснять:

– А я для вас готовлю шурпу со свежим мясом горного упитанного барана, которого сам утром застрелил. Ну, а в тандыре пекутся лепёшки...

Бойцы зашевелились, зашумели, прибодрились, а стрелок рядовой Подольских хлопнул своего закадычного друга стрелка-гранатомётчика рядового Балахонова по плечу и воскликнул:

– Илья, помнишь? Я тебе ещё на входе в кишлак говорил, что тут всех ожидает сюрприз, а ты не верил.

– О... да... Стало быть, придётся нам всем распустить ремни. Нас тут хорошо накормят.

Старик в это время подошёл к большой бадье, вымыл руки, вытер их большим полотенцем и направился обратно к очагу.

Он попросил Турсунова ему помочь снять с огня казан, а затем, открутив винтовой зажим на массивной крышке, большой деревянной ложкой стал размешивать шурпу с мясом. Пока шла эта процедура, бойцы созерцали, как ловко работает старик.

Я тем временем пристальным взглядом осматривал дом. Он был построен в едином комплексе с глинобитными хозяйственными постройками и сараем. Вторым этажом служила деревянная летняя мансарда. Вокруг дома росли большие ветвистые деревья, за которыми мелькали силуэты огромных белоснежных скал.

«Красиво, экзотика, много интересного можно увидеть вокруг», – подумал я, смотря на окружающее меня вечернее пространство вокруг кишлака. С площадки его двора всё вокруг хорошо просматривалось. Я вновь кинул взгляд в сторону старика. Тот что-то сказал Турсунову, после чего они вдвоем направились в дом. Через несколько минут они вышли с чашками и большой миской, в которую старейшина кишлака Муатабар начал выкладывать парное и душистое разваренное мясо. В воздухе от него пошел такой аромат, так вкусно запахло, что засосало под ложечкой.

– Ну вот и готово! Прошу всех присаживаться! – пригласил старик, пробуя на вкус ложкой сочное блюдо.

Я подошёл к солдатам, которые расступились, предлагая присесть. Достав свой котелок, я уселся в центре, оставив место для старика и моего переводчика Турсунова. Бойцы тоже приготовили котелки и ложки, с нетерпением ожидая приема пищи.

– Итак, пацаны, дождались мы наконец за всю свою службу праздника живота? – с юмором произнёс сидящий напротив младший сержант Курмашев, приложив руку к животу.

– Это точно! Согласитесь, пацаны... – во весь рот до самых ушей заулыбался рядовой Подольских.

Их тут же поддержали другие. Среди бойцов начали царить веселье и шутки.

– Само собой. Ведь ещё час назад не думали и не гадали о таком, – промолвил сержант Волков.

– Даже наше подсознание интуитивно не предвещало такой роскоши в наших условиях, – проговорил рядовой Подольских.

– Совершенно верно! Только вот давай, Турсун, поживее черпаком работай, да и держи его правильно, а то прольёшь мимо котелка, – стал поторапливать и подсказывать Турсунову рядовой Джанов.

– А ты уймись, больно много знаешь, да?.. И не спеши вперёд. Дойдет и до тебя очередь! – высказал Турсунов, разливая кому в пиалы, а кому в котелки горячую шурпу.

В это же время рядовой Балахонов раскладывал по котелкам мясо, а старик Муатабар раздавал поджаристые в тандыре лепёшки. Все это будоражило аппетит, и бойцы, несмотря на усталость, улыбались в ожидании своей очереди, внимательно следили, как шустро Турсунов орудует черпаком.

– Эх бы стопочку к такому ужину, – зажмурив глаза, прихлебывая с пиалы ароматную шурпу, мечтательно пробормотал рядовой Иконников.

– Это точно! Почему же нам здесь, товарищ старший лейтенант, как в годы Великой Отечественной, не выдают фронтовые сто грамм? – повернувшись ко мне, спросил рядовой Подольских. – Алкоголь здесь, в этих условиях, противопоказан. Он может привести к отягчающим последствиям и потерям личного состава, – строгим тоном ответил я.

– Тут и так у многих мозги набекрень, а представьте, если ещё добавить водки, или шаропчика... что тогда будет... – высказал своё мнение сержант Раздеваев и добавил: – Давайте, пацаны, мяско с шурпой наяривайте, такого может быть больше и не будет до конца нашей службы.

В ответ бойцы оживились, азартно гремели и жадно скребли ложками по своим котелкам, расхваливая жирную шурпу и наваристое вкусное мясо. Некоторые уже накладывали себе по второму разу. – Вот это да... Наедемся впрок... от пуза... – причмокивая и поглаживая свой живот, медленно, закрыв от удовольствия глаза, опять промолвил Джанов.

– О-о-о... Да я вижу, что у тебя пузо может растягиваться, словно меха аккордеона, – рассмеялся сержант Раздеваев.

Глядя на Раздеваева, который так живо и весело подковырнул Джанова, все вокруг расхохотались.

Однако тот не растерялся, но немного сконфуженно ответил:

– Ничего, у меня аппетит отменный, да уж и у каждого, считаю, организм выдержит и по три порции.

Слушая их, сидящий рядом с Джановым белобрысый боец, засунув в рот большой кусок мяса, хотел что-то, видно, добавить. Он, урча и мотая головой, невнятно про себя промямлил какие-то слова и поперхнулся... Увидев его скорченное лицо, сидящие вокруг вновь прыснули от смеха. Чтобы не рассмеяться, я откусил лепешку, бросил в рот кусочек мяса и, сохраняя спокойствие, стал старательно жевать.

Старик тоже добродушно заулыбался, глядя на солдата, но ничего не сказал.

– Дед, а дед, попробуй вот нашей красной рыбы, просто объеденье. Без неё мы бы в Афгане не выжили, – улыбаясь во весь рот, предложил рядовой Исмаилов, протягивая старику открытую банку кильки в томатном соусе.

Старик осторожно поставил на плоский камень свою пиалу, взял банку, зачерпнул ложкой маленькие кусочки рыбных консервов, положил в рот и проглотил, но больше кушать не стал, отложив банку в сторону. Через минуту он сузил глаза и поморщился:

– Во рту горько, животу тяжело. Как вы ее едите? В такую банку загнать рыбу, причем такую еще маленькую... Свежую и большую её надо есть или сушёную..., – старик взял пальцами кусочек мяса и стал медленно его жевать.

Дальше ужинали молча. Уставшие и голодные бойцы не торопясь уплетали мясо с аппетитными лепёшками, греясь от печки-жаровни и открытого огня между камнями, где только что стоял казан.

Сидели, подвинув ноги к огню, чтобы просушилась обувь. Шапки-ушанки были вывернуты наизнанку и надеты на теплые камни, но оружие держали под рукой, чтобы быть в готовности ко всему.

Я наблюдал за стариком Муатабаром, как тот держал лепёшку. Он дорожил каждой её крошкой, даже подбирал упавшие с камней. Шурпа была сытная, с добавкой риса, и старик её, как все, просто медленно отхлебывал, а затем взял ложку, подставляя под неё ладонь левой руки, боясь обронить даже крупинку.

«Надо же так? – подумал я. – А ведь он щедро, не скупясь, встретил нас, но вот эта бережливость, видно, воспитана всей его многотрудной жизнью». Мне хотелось завести с ним разговор, узнать о нём больше, ведь нас предупреждали, что старик знает много интересного, но пока не спешил.

Если наши солдаты ели только мясо без костей, а кости бросали в одно место для собак его брата муллы Хайруллы, то старик кости не бросал. Он молотком раздалбливал их и высасывал ароматный мозг, только затем бросал в отходы. Рядовой Турсунов в это время, как я понял, по просьбе старика следил за тем, чтобы поддерживать огонь. После того, как бросил последнее полено в костёр, он что-то сказал старику на языке фарси. Старик Муатабар кивнул головой, после чего Турсунов направился в сарай и принес оттуда ещё охапку дров. Подложив дрова, от набрал с колодца воды и поставил на огонь большой, черный от копоти чайник.

Над ущельем и в долине уже наступала тёмная, немного туманная и прохладная ночь. Тускло белели высокие хребты гор, освещённые лунным светом. Месяц в это время находился в фазе «Растущая луна». Чёрное небо, с редкими облаками, прорезали падающие с огнистыми полосами звезды. А перед нами во дворе дома от лёгкого ветерка слышен был шум раскидистых веток высоких деревьев.

Время от времени где-то внизу в долине слышались выстрелы и в воздух взлетали осветительные ракеты. Вдруг, рядом в сарае, раздался шум, а затем какой-то грохот. Бойцы мгновенно вскочили, вскинув наперевес автоматы, но старик опять кивнул и что-то сказал на своем Турсунову. Они направились к сараю. Я последовал за ними. Войдя в хлев, увидел, что козы тянулись за высушенной травой и поломали изгородь. Заметив старика, они заблеяли, но от стога с травой не уходили. Старик хворостинной, с помощью Турсунова загнал их обратно, укрепил изгородь, а в стойло положил сена. Напротив, за другой изгородью, лежали, не обращая внимания, овцы, а ещё дальше, видно, были куры.

– А вы один справляетесь с таким хозяйством? – поинтересовался я.

– Справляюсь, пока есть силы. Ханум ³ в Кабул уехала к сыну. Правнуки с младшим внуком со мной жили, но беспокойно в настоящее время, поэтому перебрались в Суруби. На

---

³ Ханум (афг.) – замужняя женщина, жена.

электростанции там работают три моих сына и пятеро внуков. Они продолжают мои традиции, ведь я много лет там сам трудился, – стал рассказывать старик, пока мы возвращались обратно.

Когда мы вернулись обратно, бойцы в это время о чём-то беседовали, дымили сигаретами, а некурящие пили горячий обжигающий чай.

– Закури дед! – протянул ему пачку «охотничьих» младший сержант Курмашев.

Старик взял сигарету, повертел ее в руках, затянулся несколько раз и наклонил голову, как будто к чему-то прислушиваясь. Сделав еще одну затяжку, он закашлялся и затушил сигарету.

– Что дед, не нравится? Анашу, наверное, куришь, а может гашиш, или чарс, как тут у вас называют эту зелёную травку. Наверное, и мак выращиваете, чтобы покрепче что-то было и побольше кайфа? – с иронией спросил рядовой Иконников.

Старик посмотрел на бойцов и хмуро, но уверенно стал разъяснять:

– Гашиш курят и мак для наркоты, выращивают безнравственные люди. Они стараются заглушить вину, которая терзает их. Другие и вовсе не могут разобраться в жизни. Бояться всего и хотят забыться, а надо грехи свои отмаливать перед всевышним...

Я такими делами и весь мой род никогда не занимались. А вот мак у меня для пряностей растёт. Для себя выращиваю и табак, семена которого давно ещё привезли советские друзья, когда строили гидроэлектростанцию «Наглу».

– О, как вы хорошо разговариваете на русском языке, уважаемый Муатабар. Где вы этому научились? Как стали общаться с советскими специалистами в ходе строительства и работы на электростанции или ещё раньше? – поинтересовался сержант Волков. – Впервые я встретился с советскими спецами намного раньше... – Старик развязал широкий пояс из верблюжьей шерсти, вынул из него кожаный кошель и достал старую, начала двадцатых годов, красноармейскую звезду. Обрамлённая яркой красной эмалью, она засверкала на ладони старика в отблесках пламени костра. Он дрожащей рукой, которая была вся в рубцах и шрамах, словно святыню и бесценную реликвию, протянул её мне. Я с восхищением и удивлением рассматривал ее, потом передал по кругу бойцам.

– Дед, а дед, это твой трофей? Наверное, басмачом был, против Красной Армии у нас в Средней Азии воевал, а потом вот сюда в Афганистан бежал? – с подковыркой спросил белобрысый солдат, сразу же задев старика за живое и с ехидным смешком наблюдая за его реакцией...

Наступила секундная тишина, но как только солдат попытался дальше продолжить разговор, рядовой Балахонов, сидящий рядом с ним, резко оборвал его:

– Ну ты, Дима, подлец! Что за выпады такие оскорбительные?

– Да ну тебя, не вяжись! Подумаешь, что тут такого я сказал, – равнодушно и вновь с ухмылкой сквозь зубы бросил Дмитрий.

– Вот как?

– Да-да, именно так!

Кинув взгляд на зарвавшегося слева от себя соседа, в разговор включился Подольских. Он весь побагровел от возмущения.

– Ты что каркаешь! Спятил что ли? Ничего так и не понял, что вести себя надо поприличней! – воскликнул он и, сдвинув к переносице брови, тут же заехал Дмитрию подзатыльник.

Тот вначале попытался вскочить и поднял руку, чтобы дать сдачи, но увидев напротив суровый взгляд сержанта Волкова, со злостью махнул рукой.

– Да ну вас всех! – выразился он и заёрзал, хлопая себя ладонями по коленам, не зная, как продолжить разговор.

Наблюдая за происходящим, я случайно раскусил горошину перца, спрятавшуюся в шурпе. Во рту сжалось, но, стараясь внешне сохранить самообладание, пока молчал. Про себя решил немного выждать и выслушать, что скажут другие.

– Слушай, а ведь ты доиграешься, – резко высказал бойцу сержант Волков и, обернувшись ко всем сидящим, покачав головой, добавил:

– Да, поведение его граничит с неблагоприятным, даже с глупостью. Видимо, просто не понимает, с кем имеет дело, и не отдаёт себе отчета.

Тут в дело вмешался и сержант Раздеваев. Он, в свою очередь, распрямил плечи, покосился на солдата, но не стал его воспитывать, а тихо и сурово сказал:

– Зря ты это так! Застегнись и приведи себя в порядок! А язык свой заткни в одно место, шут гороховый, не то ответишь за это. Найдём методы.

У Дмитрия сразу же испуганно забегали глаза.

– Пацаны, да это ж я... просто так... пошутил. Больше не буду, – бормотал он, с усилием изображая на лице улыбку.

Осознавая наконец, что брякнул лишнее, он встал, бросая взгляд на окружающих, в ожидании поддержки сослуживцев. Его губы вытянулись и затрепыхались в готовности что-то сказать. Поняв, что её не дождется, он весь съёжился, вобрав голову в плечи, и растерянно посмотрел на меня, на старика и окружающих, видя осуждение всех.

Сержант Раздеваев ухмыльнулся и довольным голосом, кивнув в сторону, произнёс:

– Видали, какой неприязненный. А ну-ка садись!

Дмитрий присел, тупо уставившись в землю, а затем с каменным лицом начал смотреть по сторонам таким видом, будто наступил конец света.

Старик не ожидал услышать в свой адрес такую колкость и обидные для него слова. На одно мгновение в обращённом на меня взгляде промелькнуло что-то похожее на обиду или упрёк. Он попытался улыбнуться, но помрачнел, опустив голову.

Я понял, что пора уже мне самому разрядить обстановку и надлежащим образом отреагировать на нелепую острогу и подковырку солдата. С его стороны это было оскорблением чести и достоинства человека.

– Прекратите задавать глупые вопросы, дорожите гостеприимством, – вмешался я. – Чтите свою честь и достоинство! Не порочьте звание советского солдата... Самый уважаемый старейшина кишлака прошёл очень тяжёлую, но достойную жизнь, что позавидовать можно. Цените это и не говорите глупостей.

В воздухе повисло напряжённое молчание, и только шум ручья во дворе да потрескивание угольков поленьев в костре пытались немного его нарушить.

– Простите, достопочтенный Муатабар-ага, за глупый вопрос со стороны солдата, – вновь прервав молчание, продолжил я, обернувшись к старику.

– Да у него постоянно язык опережает разум. Видно, в детстве кирпич на голову упал, – с подковыркой уже в адрес Дмитрия добавил рядовой Турсунов.

Старик держался даже более сдержанно, получше усаживаясь и пристально глядя на реакцию окружающих. Такого резонанса и общего осуждения коллектива старейшина Муатабар тоже не ожидал. Выждав немного, он спокойно махнул рукой, а затем встал и не спеша стал говорить:

– Я не обижаюсь. Вижу, что аскер⁴ пошутил. Но, мне приятно, что у вас такой дружный коллектив. Однако не будем упрекать этого юношу, смеяться над ним. Все мы под богом нынче ходим. Мудрость приходит с годами... – после чего провёл левой рукой по серебристой бороде и, поднявшись с места, подняв обе руки к небу. Развернувшись на восток, его взгляд утёрся в белоснежные хребты гор. Голос старика приобрёл повелительный оттенок. Все встали и уставились в сторону скального массива, освещаемого тусклым светом только что выглянувшей из-за тучки луны.

---

⁴ Аскер (афг.) – солдат.

– Вздохнём полной грудью вот это прекрасный горный воздух, вспомним всё доброе, приятное... Попросим у всевышнего, чтобы у каждого сбылись самые светлые, сокровенные мечты, чего желает человеческая душа. Ведь говорят же, что хорошее желание это уже половина дела.

Он улыбнулся доброй, загадочной улыбкой и, присаживаясь, раскрыл ладонь, на которой вновь зажглась ярко-красная эмаль. Глядя на алую переливающуюся в бликах костра пятиконечную звезду, старик восторженным голосом продолжил:

– А мне вот её в конце двадцатых годов подарил высокого ранга красный командир. Тогда на севере Афганистана мне пришлось, совместно с одним из отрядов красноармейцев, сражаться против мятежников и банд басмачей Ибрагим-бека. Служил тогда я в афганской армии... – Старик, бережно укладывая звезду обратно в кошель, задумался, покачал свою седую бороду, прикрыл глаза и поморщил лоб, видно пытаясь что-то вспомнить.

В бликах огня морщины на его лбу казались более глубокими. Через десять секунд он открыл глаза, протёр лоб, вновь повернулся к рядовому Турсунову и шепотом заговорил с ним на фарси. После чего они встали и, кивнув мне, что, мол, сейчас опять на время отлучатся, ушли в дом.

Через некоторое время двери распахнулись и в одной руке с лампой, а в другой – с какими-то документами показался старик. За ним вышел Турсунов, держа в руках два ружья. Старик, радостно улыбаясь, стал показывать свои фото в молодости, где он был в афганской военной форме. Ещё несколько фотографий были в кругу красноармейцев в городе Ташкенте, одно фото – среди большой группы вооружённых людей на общем снимке перед воротами Мазари-Шарифа. Здесь были и снимки строительства гидроэлектростанции в Суруби, где старик Муатабар в то время работал мастером.

Пока все с любопытством рассматривали фотографии, старик протянул мне старинное кремневое ружьё, врученное ему самим королём Афганистана Аминуллоу-ханом, и охотничье ружьё, которое он получил в награду от советского военачальника. Охотничье ружьё было с клеймом фирмы «Зауэр». На нём сохранилась полустёртая гравировка на арабском и русском языках «За совместную борьбу с мятежниками и басмачами Ибрагим-бека. 1929 г.».

Бойцы, бережно передавая из рук в руки фотографии и ружья, с восхищением рассматривали их.

После подковырок в адрес старика стало тихо, никто не проронил ни слова. Было просто стыдно.

Пользуясь минутой установившейся тишины, рядовой Подольских простой и незначительной в сущности фразой переключил внимание всех и снял нависшее напряжение.

– Пацаны! Кажется, завтра мы все после недельной пасмурной погоды увидим восход солнца.

– Почему ты такой чудесный вывод делаешь? – молвил младший сержант Курмашев.

– Смотрите! На небе почти нет облаков и сколько много звезд. А горы просто неописуемо красивы. Ледники, наверное, скоро начнут таять, – изложил он и, уже обращаясь к своему другу рядовому Балахонову, добавил:

– Илья, расскажи всем, как там у тебя на родине, в Дагестане. Такие же горы и красота, как здесь?

– Эх, ребята, видели бы, как у нас красиво в Дагестане. Я сам из села Суюткино, что в Кизлярском районе, но успел побывать во всех точках республики. Когда учился в школе, то в пионерские походы ходили, на экскурсии ездили. Эти здешние места чем-то напоминают наши. У нас там есть очень красивая и таинственная гора Шалбуздаг. Она самая высокая на востоке Кавказа.

– Ну... и чем она такая таинственная? – промолвил рядовой Исмаилов.

– У неё очень красивый природный вид среди всех дагестанских гор. Но вот самое интересное, что, в отличие от окружающего горного массива, там практически полностью отсутствует снег. Даже если и выпадает, то очень быстро тает. Её святой у нас называют... Там на склонах находится могила Сулеймана, почитаемого мусульманами. По преданию, он был праведником и молился Аллаху, просил у него защиты для мусульман. Чуть выше, на каменистом плато, расположено озеро с кристально чистой водой, позволяющей видеть все камни на дне, – Балахонов замолчал и попросил долить горячего чая.

Старик Муатабар, отвлекшись от нахлынувших на него мыслей, сделал наклон головы набок, что указывало на пробуждение его интереса. Он внимательно прислушивался к тому, о чём говорил Балахонов, уточняя у Турсунова непонятные ему слова. Затем, приблизив к костру своё умное, серьёзное лицо и помешивая угли, обращаясь к Балахонову, дружелюбным тоном спросил у него:

– Расскажите поподробнее об этой горе. Мне очень интересно слышать о почитании в вашей стране мусульманских святыней. Взбодрившись крепким чаем и тем, что его рассказ вызвал интерес, Балахонов сразу повеселел и продолжил:

– Этой святой горе молятся о прощении грехов и просят у неё исполнения самых заветных желаний. А ещё там есть одна пещера, которую местные жители называют «грехомером». Считается, что через неё не может пройти человек, душа которого слишком грешна. Причем неважно, какого он телосложения.

– Ты не шутишь, на самом деле? – удивлённо спросил рядовой Иконников.

– Там, чтобы пройти, надо поразмыслить мозгами, так как эта пещера имеет довольно сложное строение стен, поэтому и пролезть через неё нелегко...

Сидя на камнях и попивая крепкий ароматный чай, бойцы с пылким интересом слушали рассказ Балахонова. Одновременно они вглядывались в изумительно красивые белоснежные горы и бездонное, бесконечно глубокое, нависающее над нами, сияющее звездами небо.

Солдаты уже не вступали в реплики, и чувствовалось, что они летают где-то в облаках, вспоминая каждый своё родное гнёздышко. У каждого из них здесь, в далеких от родины афганских горах, не было ничего дороже, чем свой родной край, место, где родился, где вырос, откуда уходил в армию. Не было дороже и неба, под которым они жили.

Видно было и то, что многих после сытного ужина и усталости за день неимоверно тянуло в сон. Они начали ложиться на своих палатках прямо на камнях у костра и на площадке у печи-жаровни.

Старик слушал всех, покачивая головой, а затем окинул бойцов своим прозорливым взглядом и сказал:

– Поутру я покажу всем тоже святое для нас место. Уверен, что всем понравится, а сейчас кто сильно устал и не желает дальше вести нашу беседу, может укладываться спать. Только вот не во дворе, а в доме.

Старик Муатабар встал, взял одну из керосиновых ламп и пригласил меня следовать за ним. Вслед за ним я с сержантом Раздеваемым и рядовым Турсуновым вошли внутрь дома. За узким коридором оказалась довольно просторная комната с длинным, но узким окном. Свет от лампы упал на большой ковёр на полу и подушки с одеялами.

– Вот здесь могут размещаться ваши солдаты на отдых, – показал он рукой.

– Спасибо! – ответил я, выходя обратно во двор. Я смотрел на старика, его манеру высоко держать свою седую голову, на его уверенную, совсем не

старческую походку и видел в этом большую внутреннюю силу. В его немного опущенных плечах чувствовался не только тяжёлый труд и груз прожитых лет, но что-то еще. Мне лично хотелось узнать о старике, о его жизни, и была уверенность, что разговор получится интересным, поэтому по ходу движения спросил его:

– А о себе, достопочтенный Муатабар-ага, о схватках с басмачами и работе на электростанции расскажите?

– Если только вы не устали и располагаете временем, чтобы выслушать меня, тогда можно вспомнить те года, – ответил старик.

Я взглянул на часы – стрелка приближалась к девяти вечера. До полуночи оставалось более трёх часов, а впереди ещё и ночь. Времени было предостаточно на то, чтобы выслушать и задать интересующие вопросы старику, а потом немного отдохнуть. В девять часов по графику должен был менять парных часовых на тропе, отходящей от кишлака, лейтенант Чепиль, и я тоже решил пройтись с ним. – Уважаемый, Муатабар-ага, давайте через полчаса начнём нашу беседу. Уверен, что всем нам не будет скучно. Вы просто заинтриговали всех, – заверил я его.

– О, да. Я в вашем распоряжении, действуйте по вашему усмотрению, – улыбнулся и довольно приветливо, своим сильным голосом, ответил старик.

Разумеется, в тот вечер и ночь мы располагали временем, чтобы выслушать старейшину кишлака. Поэтому, не торопясь, я решил вначале сам проверить подходы к нам с этой стороны кишлака. Махнув рукой сержанту Раздеваеву, который стоял с бойцами, готовыми к ночному дежурству, я направился к ним.

Сменив часового у калитки, мы беззвучно проскользнули на улицу. Там было совсем темно и тихо, всё вокруг едва различалось в слабом свете. Спустя минуту-две послышались шаги и блеснул свет фонарика, освещая дорогу. Подошёл лейтенант Чепиль с двумя солдатами, и мы вместе направились на тропу, где находился парный патруль. При их смене я спросил:

– Ничего подозрительного не заметили?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант! Тихо вокруг, даже шороха не слышно. Правда, жутковато немного среди этих безмолвных скал, особо от этого неизвестного входа в ущелье, о котором нас предупреждали.

Осторожно поднявшись по скользким, протертым веками каменным ступеням к арке, я стал внимательно всматриваться в темноту. Если сама тропа, по которой мы шли, от света растущей луны, тускло, но просматривалась, то по ту сторону арки, где находилось ущелье, был мрак и странная, гнетущая тишина.

Напряженно вслушиваясь и всматриваясь во тьму, в ушах появился непонятный шум, а в глазах мерещились какие-то тени. И вот из чёрной глубины я уловил тихий плеск воды, а затем какие-то непонятные звуки, которые время от времени повторялись. Шагнув со взводным шагом три внутрь арки, мы сразу же через несколько секунд отчетливо услышали шорохи. Правая моя рука непроизвольно потянулась к автомату, а левой, взяв за руку лейтенанта Чепиля, и шепнул:

– В случае чего прикройте!

Бойцы вместе с командиром взвода с автоматами наизготовку моментально заняли позицию к бою. Прижавшись к стене арки, я сделал ещё несколько шагов вперёд, на всякий случай нащупал гранату, чтобы при появлении духов швырнуть вначале ее, а потом ударить из автомата. Через мгновение все услышали громкое хлопанье крыльев, и вскоре всё затихло. Выждав несколько минут, я вышел обратно и в полумраке окинул взглядом саму арку, сделанную изваянием самой природы, а потом спустился на тропу.

Мне всё казалось, что духи, понеся потери, могли как-то пройти сами или с помощью местных жителей незаметно в это маленькое ущелье. В связи с чем при инструктаже часовых я вновь сделал упор на усилении бдительности, после чего мы направились обратно к месту своего отдыха. И вот вновь впереди вырос каменный дувал, затем и калитка у входа в дом старика Муатабара. За ними во дворе мерцали отблески красных огней.

Часть вторая

Захватывающий рассказ старейшины кишлака

Глава пятая

Служба в королевской гвардии. Участие в войне за свободу и независимость

Ближе к десяти вечера тучи рассеялись. Кишлак уже погружался в сон, царила тишина. Только далеко внизу из долины доносились иногда выстрелы, взлетали осветительные ракеты. На тёмном, почти безоблачном небе мерцали звезды и падали зарницы. Серп месяца своим тусклым серебристым светом, выйдя из-за небольшого облака, залил весь двор старика, у которого мы остановились. Чёрными контурами вырисовывались в прозрачном сумраке силуэты людей и очертания деревьев.

После обильного сытного ужина небольшая часть бойцов уже ушла отдыхать, несколько человек спали под навесом у печки-жаровни. Во дворе вместе со стариком осталась основная группа самых любознательных. Пламя костра, поднимаясь, выхватывало из темноты суровые лица солдат. Они сидели тесным кружком у костра, пили чай, любуясь отлетающими и гаснущими в воздухе искрами, тихо переговаривались. Отблески огня метались по оружию, выставленному под навесом в пирамиду.

Как я понял, они ждали нашего возвращения, чтобы продолжить интересную беседу со стариком. Сам старик, собираясь с мыслями, задумчиво смотрел на согревающиеся языки пламени, ворочая острым железным штырем угли и обожжённые поленья. Его лицо и руки в тусклом лунном свете казались абсолютно белыми.

Окинув внимательным взглядом всех, кто остался из бойцов у костра и печки-жаровни, я присел на колоду рядом со стариком, который, поджав под себя ноги, расположился на украшенной восточным орнаментом подушке. Сержант Раздеваев слегка отодвинул в сторону рядового Балахонова, уселся по левую сторону от меня на плащ-палатку.

– Ну что, уважаемый Муатабар, продолжим нашу интересную беседу. Думаю, ваши воспоминания затронут всех, – предложил я, смотря, как сполохи пламени красными бликами плясали в его глазах, отражая какие-то тайные неуловимые мысли.

Старик, поглаживая рукой бороду, взглянул на тёмное небо, затем внимательно посмотрел на слушателей, подумал немного и стал развивать свои мысли:

– В молодом возрасте к воспоминаниям таких, как я, относятся по-разному. Кто с интересом, а кто – просто с недоверием и без особого любопытства. Только с возрастом прошлое всё больше и больше приходит в мыслях человека и овладевает его чувствами, причем независимо от того, приятное оно было или горестное. Стереть с памяти то, что сами пережили, прочувствовали каждой клеткой человеческого мозга, просто нельзя, – подчеркнул старик, перебирая одной рукой чётки, а другой продолжая железным штырем переворачивать угли. Он многозначительно помолчал несколько секунд, пристально всматриваясь в лица солдат, и начал свой рассказ:

– В далеком 1919 году эмиром Афганистана стал Аманулла-хан. В это же время я, с тремя юношами из нашего кишлака, по рекрутской системе был призван в афганскую армию. Как крепкий и сильный мужчина, – распрямив плечи, улыбаясь, продолжил старик, – я попал служить в королевскую гвардию.

В те времена, под влиянием произошедшей у вас России Октябрьской революции, в Афганистане тоже произошли исторические события. Афганистан восстал за свободу и независимость от иностранных поработителей. Аманулла-хан, в свою очередь, объявил в своём обращении к народу, что целью своего правления ставит приобретение полной и безоговорочной независимости от Британской империи.

Первыми его шагами стало признание Советской России, установление дипломатических отношений и налаживание крепких дружеских связей между нашими народами. Дружественные отношения между двумя соседними странами стали реальной угрозой для традиционного английского владычества на Востоке.

Началась Третья англо-афганская война, в которой я принял участие. Англичане бросили против афганцев огромную армию, подкреплённую не только артиллерией, но и авиацией.

Британцы постоянно наносили авиационные удары по Кабулу и Джелалабаду. Силы были неравны, но мы за свою независимость сражались, как львы. События развивались с переменным успехом. Несмотря на воздушные атаки и поражение части афганских сил, другая часть войск под командованием Мухамеда Надир-хана успешно наступала и этим вызвала восстание ряда племён в тылу трёхсот сорока тысячной британской армии.

Большую помощь в этом афганским войскам оказали пуштунские племена приграничных областей. Они практически никогда не признавали над собой никаких правителей, тем более британских, кроме своих собственных. Но тогда, в ходе Третьей англо-афганской войны, их вооружённые отряды, подчинявшиеся множеству своих вождей, собрались воедино и действовали на полях сражений согласованно. Британцам в эпоху своей великой империи ни разу не удалось их покорить. Многие пуштуны этих племён находились и в рядах афганской армии.

В разгар военных действий меня с двумя крепкими гвардейцами вызвали в штаб и представили командующему афганских войск, генералу Мухамеду Надир-хану. Окинув нас строгим взглядом, он пригласил к карте, развёрнутой на столе.

– Итак, орлы! Вам предстоит проникнуть в расположение противника, собрать все, какие возможно, сведения, где стоят его резервы и командные пункты. Идеально будет, если удастся пленить офицера штаба и доставить его к нам, – подчеркнул он, ставя задачу. – Сколько у нас времени, чтобы всё хорошенько обдумать и кое с кем связаться? – спросил опытный гвардеец Гульман, старший нашей небольшой группы. Он был уроженцем одного из воинственных пуштунских племён тех мест, куда мы направлялись.

– Время на обдумывание у меня нет. Даю вам на всё трое суток! – ответил генерал.

В тот день мы скрытно выдвинулись в расположение войск противника и направились в горное селение Гульмана, где нас радушно встретили его односельчане. А через три-четыре минуты появился крепкого телосложения пожилой мужчина. Гульман преклонил перед ним колени и поцеловал ему руки.

– Мой отец, – представил нам его Гульман.

Гульман был сыном местного вождя, и по поводу его появления отец устроил небольшой пир. При нас зарезали курдючных овец и очень быстро их зажарили целиком прямо в шкурах. В мясной подливке был приготовлен восхитительно вкусный рис.

На пир собралось всё селение с местным муллой. Саид Вали-отец Гульмана посадил нас в центре рядом с собой как самых почётных гостей.

Сидя вокруг блюд с рисом и жареной бараниной, пуштуны проклинали англичан и всех тех, кто служил в британской колониальной армии. Даже сам мулла поднял руки к небу и воскликнул:

– Пусть принесёт Аллах проклятие инглизам и поможет нам в нашей борьбе!

Брат Гульмана, Хазрат, получил образование за границей, в Европе. Хорошо знал английский язык. Он встал из-за стола. Окинул всех взглядом, в свою очередь зачитал отрывок из

стихотворения английского поэта, писателя и политика Вилфрида Бланта, осуждавшего колониальную политику Королевства Великобритании:

*Британия!
Ты слабому ногой на грудь ступила,
Восстанет он – пята твою стряхнёт.
Ты ненависть народа заслужила
И ненависть его тебя убьёт!*

Отрывок стихотворения был встречен всеми бурными овациями... Как только Хазрат снова сел за стол, слово взял хозяин, вождь племени Саид Вали:

– Англичане надменны и высокомерны, не считают нас за людей, истребляют наш народ, захватывая наши земли и увозя все наши богатства. Они охотятся за нами, как за самой ужасной дичью. Они изгоняют из наших сердец человечность вместе с совестью! – развернувшись к нам, жёстко сказал Саид Вали. После чего положил руку на плечо Гульману и добавил:

– Сражайся, сынок, вместе со своими сослуживцами с этими инглизами в рядах афганской армии, а мы тут с тыла вам поможем... – Вот-вот, отец, так и надо действовать! – поддержал его Гульман.

К месту выполнения боевой задачи мы прибыли с небольшим отрядом молодых односельчан, которым командовал Хазрат. Это были бесстрашные воины, закалённые в стычках с врагами. У каждого через плечо была перекинута винтовка, грудь пересекал патронташ, а на поясе висел длинный кинжал. Все они уже побывали в переделках и участвовали в сражениях против колониальных британских войск.

Двое суток мы с ними совместно вели разведку и находились в засаде в старом заброшенном форте у дороги, которая шла в их главный штаб. Нами были приняты все меры предосторожности, чтобы нас даже случайно не могли обнаружить. Я сам тогда находился вместе с разведчиками для захвата вражеского офицера.

На третий день под вечер мы услышали почти рядом рокот мотора. По горной дороге на небольшой скорости двигалась штабная машина в сопровождении группы всадников. Гульман кивнул своему брату, затем махнул рукой мне и тихо дал команду:

– Вперёд!

Вскочив с места, мы под прикрытием скал двинулись наперерез противнику.

Отголосками эха в горах одновременно раздались выстрелы винтовок по сопровождающим машину кавалеристам. Неожиданность нападения произвела смятение в рядах оставшихся британских кавалеристов. Их крики смешались с ржаньем лошадей, вставших на дыбы.

– Бейте людоедов-инглизов, не щадите их! – слышались выкрики наступающих.

Ускакать с места, не сделав ни единого выстрела в ответ, удалось только нескольким всадникам.

В этот же миг под прикрытием огня своих товарищей по оружию я с разведчиками рванул вперёд. Рывок был настолько стремительным, что и в машине никто не успел оказать сопротивления. Подступив плотно к машине, односельчане Гульмана щупали пленников, дышали им в лицо, смеялись и попытались расправиться с находившимися там. От ужаса, охватившего наших пленников, они все сжались друг к другу, руки их непроизвольно дрожали... Старший офицер пытался что-то сказать, поправляя свой мундир, и даже улыбался, но его улыбка пряталась в щетине его колониальных усов.

Мне, Гульману, Хазрату и ещё одному нашему гвардейцу Махмуду тут же пришлось грудью стать в их защиту:

– Не трогать! Это наши пленники, и мы их обязаны доставить к месту назначения, – твёрдым голосом произнёс Гульман.

В результате нами был захвачен английский автомобиль со старшим офицером штаба англо-индийских войск, казначеем и сотрудником почтовой связи. В машине находилась казна с денежным довольствием для личного состава и секретные документы с картой действий британских войск.

Оказав нам помощь, односельчане Гульмана первым делом собрали оружие. Затем, изловив и взяв по узды лошадей британских кавалеристов, ушли обратно продолжать борьбу с британцами в их тылу.

Мы, в свою очередь, под покровом вечерних сумерек развернулись, и автомобиль тронулся по горной дороге в направлении афганских войск. В горах было темно, и шум нашего автомобиля разносился, как гром. Преодолев несколько постов, где часовые так и не поняли, что сидящий впереди штабной офицер находится под нашим прицелом, мы спокойно подъехали к линии пересечения противоборствующих сторон.

Чтобы отвлечь внимание, мы там остановились якобы для уточнения направления движения и, как только сориентировались, где находятся афганские войска, на всей скорости рванули вперёд. В ответ только минут через пять за нашей спиной раздались выстрелы, крики, но мы уже были на почтительном расстоянии. Бросая яркими фарами далеко вперёд свет, пробивая темень ночи, мы проскочили к своим. Автомобиль с пленённым офицером штаба британских войск, казначеем, водителем и секретными документами доставили Командующему афганских войск.

При допросе старшего британского офицера были получены очень важные сведения. Сопоставив их с захваченными документами, через день в ходе наступательных боёв часть афганских войск и ополченцев неожиданно прорвалась через Сулеймановы горы, выйдя в тыл английских опорных пунктов и фортов. Они форсированным маршем с пехотой, кавалерией и артиллерией преодолели область, считавшуюся непроходимой для войск. Там, развернувшись, афганские войска вместе с восставшими племенами с ходу обрушились на неприятеля, нанеся мощный удар по его тылам и большой урон в живой силе.

Вскоре афганские части при поддержке племенных формирований подошли к их главному штабу и ударили по англо-индийской крепости Тал. После чего в решающее наступление пошли и другие силы афганской армии, обратив противника в бегство. В ходе тяжёлых боёв был захвачен стратегически важный проход и перекрыта магистраль, связующая Афганистан с Британской Индией.

Спустя некоторое время благодаря мужеству и успешным действиям афганских войск всем британским войскам, несмотря на их превосходство, пришлось отступить за пределы афганской территории.

Неся огромные потери в живой силе, тогдашняя Британская колониальная администрация вынуждена была пойти на переговоры с Амануллой-ханом и в августе 1919 года признать политическую независимость Афганистана.

За образцовое выполнение ответственного боевого задания, которое внесло определённый вклад в дальнейшие действия афганских войск, нас представили к наградам и солидной денежной премии.

Старик на мгновение замолчал. Затем шевельнул бровями, погладил бороду и продолжил:

– Вот в то время, после торжественной церемонии в Кабуле по поводу приобретения независимости за отличие в боях я был награжден медалью, памятным кремниевым ружьем и денежной премией. Тогда я получил краткосрочный отпуск, в ходе которого за премию приобрёл землю, где до сих пор находится моё поле и пастбище.

– Вот это да! А награды кто вручал от имени короля? – поинтересовался, вклинившись в его рассказ, рядовой Подольских. – И как это происходило? – робко добавил сержант Волков.

Старик, подняв голову, уперся взглядом в сидевших вокруг костра бойцов, чьи угловатые тени колебались в прозрачном сумраке ночи. Огненные блики ходили по его старому, в морщинах лицу и седой бороде. Секунд десять-пятнадцать он помолчал и промолвил:

– Э-э-э, вроде я уже говорил, когда показывал ружьё... Всем отличившимся награды вручал в столице Афганистана лично сам Аманулла-хан. Меня тогда, двадцатипятилетнего, крепкого сложения солдата, лично представили королю.

Аманулла-хан, сам плотного телосложения, остро, по орлиному, окинул меня взглядом, вручил награду, ценный подарок, сертификат на премию и пожал мне руку. Я тогда был просто ошеломлён и буквально оцепенел, зарделся от оказанной мне чести.

Запинаясь от волнения, я по-военному отчеканил:

– Как ваш верный воин... у меня есть сейчас чем гордиться в этом мире... Я теперь почувствовал себя частичкой того Великого дела, которому Вы себя посвятили во имя свободы и независимости нашей Родины. Постараюсь не уронить этого высокого доверия и доблестной службой оправдать оказанную мне честь!

– И что удивительно, – продолжил Муатабар, – правитель Афганистана выслушал меня, улыбнулся и спросил, имею ли я какое-то образование. В ответ я сказал, что могу читать Коран, на что Аманулла-хан, повернувшись к своей свите, провозгласил:

– Мои храбрые воины не жалеют свои жизни ради свободы и независимости, и мы обязаны обучить их грамоте. Они будут не только читать Коран, а станут технически грамотными специалистами в военном деле. После того, как воины исполнят свой долг перед отчизной и снимут униформу, они станут нашей опорой в экономическом развитии Афганистана. Это будет сильная, просвещённая и единая страна, которую мы, вместе с народом, должны создавать и укреплять.

Эти слова были восприняты бурными овациями. Офицеры и солдаты во весь голос кричали:

«Да здравствует король Аманулла-хан! Да здравствует независимость!» После этой церемонии, спустя неделю, я был направлен на учёбу в школу младших командиров, после которой, кроме воинского звания младшего командного состава, получил и техническую специальность, которая мне в будущем пригодилась.

Глава шестая

Помощь Советской России

Слушая старика, у меня самого в голове вертелись страницы истории, о чём я интересовался давно. В те времена Третья англо-афганская война вполне могла повторить сценарий первых двух, когда, несмотря на мужество афганцев, страна продолжала оставаться по сути английской колонией. Войска колониальной администрации Британии, обладая почти десятикратным численным и абсолютным техническим превосходством, вынуждены были отказаться от продолжения военных действий и признать независимость Афганистана.

Тогда в мире царила уже совсем другая международная обстановка. Во многих странах после революции в России началось национально-освободительное движение от колониальной зависимости. В то время ряд народных восстаний охватил и саму Британскую Индию.

Особо важную роль в этом сыграла Советская Россия. В Закавказье и Средней Азии английские интервенты в ходе гражданской войны потерпели под напором Красной Армии поражение. В Афганистане установились тесные дружеские отношения с Российской Республикой Советов. Страна больше уже не была в изоляции. Советская Россия стала оказывать Афганистану не только политическую, но и экономическую помощь, заключив договор, согласно которому предоставляла право транзитных перевозок. А вот чтобы британские войска не смогли выйти из Индии в Туркестан, начали оказывать Аманулле-хану и военную помощь...

Отвлекаясь от своих мыслей и стараясь сосредоточиться на рассказе старика, я задал ему вопрос:

– А как сложились дальнейшие события в вашей жизни?

– Ну вот через год, после окончания военной школы, я начал службу во дворце Зарафшан в центре Кабула, который размещался в парке Зарнегар. Там до переезда в новый дворец находился и сам Аманулла-хан, поэтому правителя Афганистана я видел часто. Мне удалось даже сопровождать короля в составе его охраны, когда впервые за всю историю Афганистана принимали Основной закон – Конституцию страны. Это происходило в Джелалабаде, и джирга, созданная специально для этой цели, шла под председательством самого короля.

В дальнейшем, года через полтора, я был переведён на службу по охране первой в стране радиостанции, подаренной советской Россией Афганистану. Однако снова события развивались против нас. Англия не хотела сдавать своё бывшее влияние над Афганистаном и в неофициальной форме предъявила ультиматум прервать дипломатические отношения с Советской Россией, угрожая начать новую войну. В 1924 году с помощью англичан удалось организовать мятеж, снабжая восставших оружием и деньгами.

И вот тогда король Аманулла-хан лично сам обратился за военной помощью к советской России. В критический момент, когда мятежники грозили взятием Кабула, на помощь пришли советские летчики. Нанеся авиационный удар по ним, они оказали существенную помощь афганской армии в разгроме мятежников. В этом же году создаются военно-воздушные силы Афганистана как отдельный вид войск. Группа афганцев, в том числе и несколько моих сослуживцев, уехали на учёбу в авиационные училища в Советский Союз, а мне предложили учёбу в авиационной школе в Кабуле по специальности техника аэродромного обслуживания. Мне посчастливилось освоить ещё одну специальность. Когда же были установлены авиарейсы между Кабулом и Ташкентом, я удостоился права в составе одной из делегаций посетить вашу страну.

– Ну и как понравился Вам тогда Ташкент? – спросил узбек рядовой Абдуллаев. Я родился и вырос в этом городе.

Старик заулыбался, глядя на Абдуллаева. Видно было, что ему по душе пришлось, что тот родом из Ташкента. На лице Муатабара появилась искорка чего-то таинственного, известного только ему.

Он, перебирая пальцами цепочку висящего на шее медальона, с тоской в голосе высказался:

– Сам Ташкент на меня ни тогда, ни через несколько лет, когда я вновь оказался там, не произвёл особого впечатления, но, когда я побывал там третий раз спустя тридцать лет, то был просто восхищён теми преобразованиями, которые произошли не только в Ташкенте, но и во всей Вашей многонациональной стране. Мы все завидовали Вам и старались брать пример.

– А как оказалось, что Вы совместно с нашими красноармейцами с басмачами воевали? – задал вопрос сержант Раздеваев.

Старик Муатабар задумался на пару минут, потёр руки и снова начал с длинной быстротой пальцами рук перебирать чётки, собираясь с мыслями. Пауза затянулась, но никто не решался её прервать. Я и сидевшие вокруг костра понимали, что пережитые им события уже потеряли чёткость и связность, многое улетучилось из памяти, как это обычно бывает. Умное, сосредоточенное лицо старика было чрезвычайно серьёзным.

Я заметил, что он что-то перебирал в памяти, анализируя давние, прошедшие события. Губы его были крепко сжаты, ноздри трепетали, а тяжёлые седые брови собрались в одну линию. Наконец он разорвал затянувшуюся паузу и продолжил рассказ:

– В середине двадцатых годов с помощью советских технических специалистов стала работать линия телефонной и телеграфной связи на железных опорах, соединявших Кушку, Герат, Кандагар и Кабул. Шло строительство телеграфной линии от Кабула на Мазари-Шариф. В это время, согласно военному сотрудничеству между Советским Союзом и Афганистаном, проходила реорганизация афганской армии при посредстве вооружения, припасов и военного имущества, поставляемого советской военной промышленностью. На севере Афганистана планировалось создание авиаотряда и строительство военного аэродрома. В связи с чем осенью 1926 года меня с группой технических специалистов связи и авиамехаников направили для службы на север Афганистана в город Мазари-Шариф. Там мне пришлось неоднократно принимать и сопровождать военные и гражданские грузы, поставляемые из Советского Союза, а также в охране строящихся объектов. Наш король хотел создать небольшую, но сильную и лояльную ему армию. Однако все замыслы Амануллы-хана, к сожалению, не пришлось превратить в жизнь.

В то время обстановка в стране становилась всё более взрывоопасной. Под руководством определённых сил, поддерживаемых британскими колонизаторами извне, а также большей части духовенства, выступавшей против Амануллы-хана и его реформ, по стране вновь прокатились волнения. Они особо накалились после возвращения короля из заграничной поездки, когда он приступил к различным нововведениям в стране, которые нарушали устои шариата, что оскорбляло многих афганцев.

Аманулле-хану при содействии советских военных летчиков удалось подавить ряд выступлений против королевской власти на юге и на востоке, но в то же время север Афганистана захлестнула волна басмаческих банд, бежавших из Советской Средней Азии.

– Значит, уважаемый Муатабар-ока, сыграло известное из истории правило: за тем, кто против кого-то выступает или действует против законной власти в стране, всегда есть направляющая рука? – задал я вопрос старику.

– Вот-вот. Конечно, это так, – подтвердил старик. – Их движение, как и восстания против короля в самом Афганистане, поддерживали англичане.

Когда поздней осенью 1928 года на востоке страны вспыхнуло новое восстание, его возглавил один из лидеров афганских таджиков, бывший басмач, а впоследствии дезертир афганской армии, сбежавший из-под ареста, – Бачаи Сакао. Он обвинил короля Амануллу-хана в

нарушении шариата, обещал народу отменить налоги на землю и аннулировать все задолженности. Этим самым он, с помощью своих покровителей, привлек на свою сторону часть религиозных лидеров и большие массы афганцев. Кроме того, он установил тесные контакты с лидерами басмачей Ибрагим-бека и бывшим бухарским эмиром Сейид Алим-ханом, – старик машинально рукавом халата вытер пот со лба, тяжело вздохнул, а затем выдохнул весь воздух из своих легких. Костёр начал было затухать, медленно тлея, только пестрели красноватым пеплом угли.

Глава седьмая

Повествование о государственном перевороте в Афганистане

Стояла глухая ночная тишина. Старик взял снова железный штырь и, помешивая угли, кивнул сидящему справа от него Турсунову и что-то сказал ему на своем языке. Тот быстро вскочил и через пару минут принёс еще связку дров. Дрова быстро разгорелись ярким пламенем и вновь стали тихо потрескивать, выплёвывая во тьму свои золотые искорки.

Я кинул взгляд на небо, где из-за облаков выглянул острозаточенный серебряный серп месяца. Он повис над горами и сочился бледным светом, скупо освещая белоснежные вершины гор и верхушки деревьев во дворе старика.

Внизу у кишлака протяжно завывали шакалы. В такт им залаяли местные собаки. Через несколько минут они замолкли, и вдруг тишину ночи прервали длинные очереди крупнокалиберного пулемёта и разрывы артиллерийских снарядов. Стреляли где-то далеко, но в ночи их звуки доносились отчётливо, сливаясь в равномерный треск и грохот. Старик Муатабар вздрогнул, мышцы его лица напряглись.

Глубоко погружённый в свои мысли, он тревожно всматривался во тьму своего двора, как будто хотел что-то там увидеть. На этот раз пауза затянулась дольше, чем предыдущая. Никто не торопил старика, не задавал ему вопросов. Все напряжённо ждали, когда он сам продолжит свой рассказ. Некоторое время старик продолжал сосредоточенно всматриваться в темноту, что-то бормоча себе под нос. Когда выстрелы и далёкие орудийные раскаты стихли, он с грустью промолвил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.